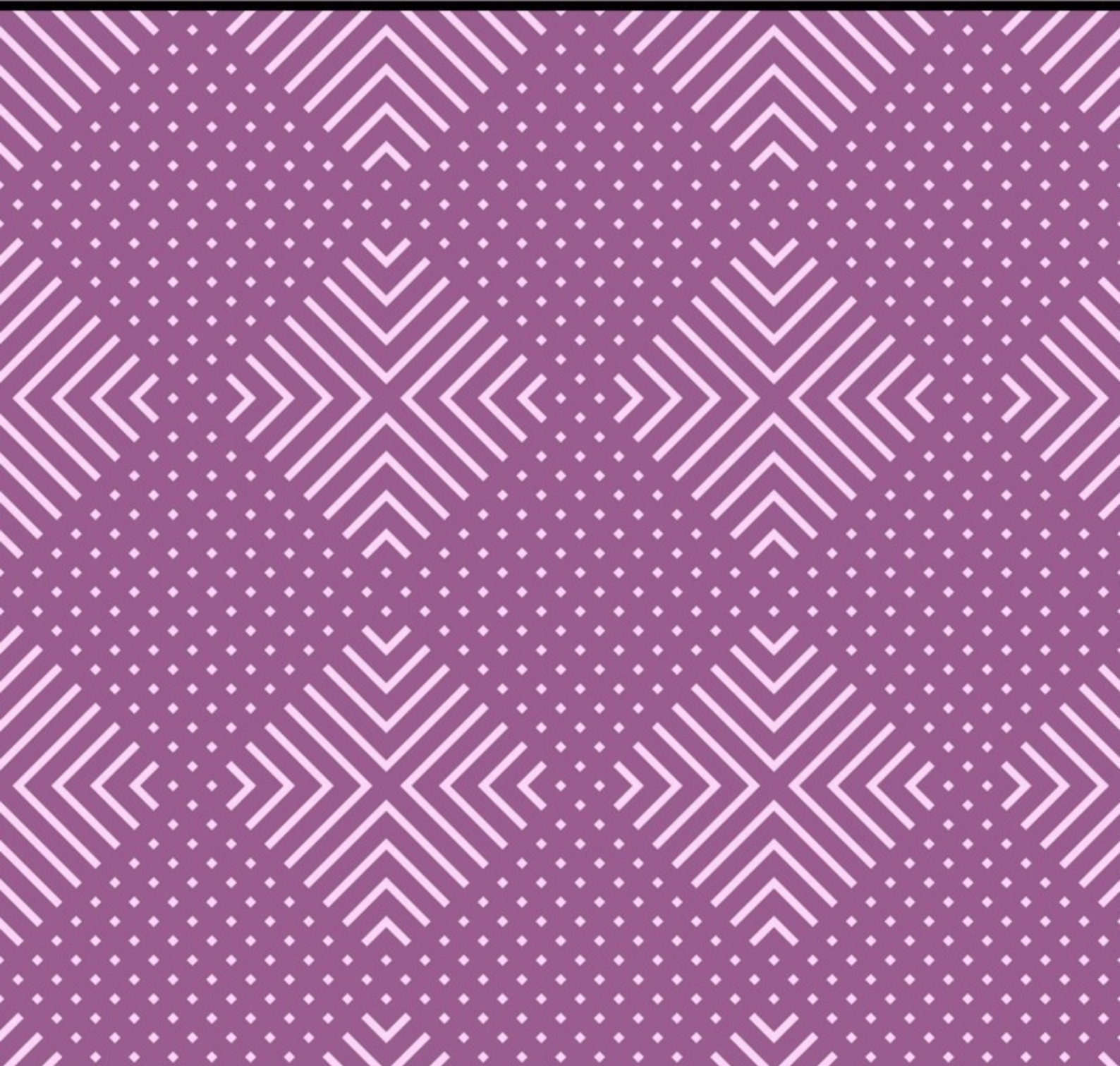

ЕЛЕНА ЛИКАНОВА

**Я тебя никогда
не покину**

Елена Ликанова

Я тебя никогда не покину

«Издательские решения»

Ликанова Е.

Я тебя никогда не покину / Е. Ликанова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909635-7

Душевные, лирические, с искромётным юмором сказки для взрослых, а также увлекательные истории с элементами фэнтези, основанные на реальных событиях и переживаниях автора.

ISBN 978-5-44-909635-7

© Ликанова Е.
© Издательские решения

Содержание

ДЕД МОШКА	6
СКАЗКИ ПРО ВЕДЬМУ ЛИЗУ	24
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	24
СЕРЁГИНА ЛЮБОВЬ	26
Ром Флоран или Сон с продолжением	31
Дублин	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Я тебя никогда не покину

Елена Ликанова

© Елена Ликанова, 2018

ISBN 978-5-4490-9635-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕД МОШКА

«Ой, лукавишь, девонька! – сказал лесовичок, заводя друг за друга свои жёлтенькие глазки, – Уж я-то знаю, какое оно есть беспределье да бестолковье. Рассказывай заново, да чтоб как по-писаному, а то рассержусь, ух!» – и затряс угрожающе остренными ушками. А сам ухмыляется бороду, – не злится, стало быть, так пугает, для порядку.

«Меня разбудила тишина, – начала я свой рассказ, – Тишина была утренняя, солнечная, с лёгким ласковым ветерком, перебиравшим мои волосы. Это была незнакомая тишина, и об этом можно было догадаться, даже не открывая глаз. Но я преодолела страх и чу-у-у-у-ть-чуть приоткрыла. Левый. Глаз. Но не до конца. И в щёлочку, по-китайски, посмотрела на мир. Мир состоял из лужайки и маленького корявого деревца – я его сразу же, почему-то, окрестила арчой. Наверное, потому, что никогда не видела настоящей арчи. Под деревцем спали несколько человек, смутно напоминавшие моих друзей. Я села. Продрала глаза. Попыталась встать, машинально ухватившись за какой-то колышек, торчащий из земли. К колышку была прилеплена табличка; на табличке надпись: „Ходить запрещено!“ Подкошенная этой незатейливой истиной, я упала обратно на газон. Поскольку это не что иное, как газон. В незнакомом южном городе. И по нему в художественном беспорядке разбросаны мои друзья-собутельники. Теперь я всё вспомнила. Мы ехали в Крым, и...мы приехали в Крым!»

«А там дальше про любовь будет?» – заблестел глазками лесовичок.

«Какая уж тут любовь? – говорю, – Не видишь, что ли, отходняк у всех».

«Ну-у-у-у, – загундел он досадливо, – тогда давай другую историю, с чувствами. И покороче».

«Ладно, – говорю, – можно и покороче. Один юноша очень любил одну девушку. Нет, это ещё не вся история. Но почти вся. Юноша был художник. Абстракционист. Однажды он очень постарался и написал портрет соей любимой, а после в рамочку поместил и на стенку повесил. И всё время любовался ею, своей любимой, и восхищался её совершенством и небесною красотой. Наконец, решил он её со своей мамой познакомить – мол, вот она, моя невеста, прошу любить и жаловать! В назначенный день в назначенное время девушка пришла. Вошла, огляделась и на портрет кивает: „Какой симпатичный пейзажик висит, где ты его писал?“ Сами понимаете, до знакомства с мамой дело не дошло. А художник с тех пор на женщин зуб наточил, и ни одну к себе не подпускает. Не способны, говорит, они его талант оценить. И нежную душу. Вот такая история».

«Гру-у-у-стная, – протянул лесовичок, – И почему это вы, люди, так любите грустные истории рассказывать? Неужто, у вас жизнь такая?»

«Жизнь у нас сумбурная, – отвечаю, – сплошная стрессовая ситуация. И ни минуты передышки. Оттого и мысли путаются».

«Надо же! – сочувственно засопел лесовичок и заёрзал на пеньке, – а я вас ещё и пугаю, бедненьких. Что делать, люблю пошуметь. Да и квалификацию мне терять никак нельзя, и так один из последних в лесу остался».

Тут он замолчал. Долго молчал, минуту, наверное, а для лесовичка это ужас как много.

«Ну, а праздники у вас есть?» – поинтересовался он, наконец, озадаченно копясь в бороде.

«Есть, конечно. День рождения, Новый год...»

«Новый год, ну-ка, ну-ка, это как же так, Новый год?..»

«Новый год – это когда... Ну, это когда ёлку наряжают игрушками, гирляндами, а потом говорят: „Ёлочка, зажгись!“ И она разноцветными огоньками вспыхивает».

«Здорово! – восхитился лесовичок, – а давай мы сейчас себе Новый год устроим. Сейчас ёлочку покрасивее выберем. Как там у вас говорится? Ёлочка, зажгись!»

При этих словах самая высокая ель, росшая неподалёку от того места, где мы сидели, вспыхнула ярким пламенем. Я сначала только рот разинула от неожиданности. А потом как закричу: «Ты что же это делаешь?! И так лесов совсем не осталось, так ты последний палишь! Туши сейчас же! Туши!» «Пожарчик!» – расплылся в довольной улыбке лесовичок и погладил себя по животу. Постоял ещё немного в задумчивости, глядя на огонь, пока я в ужасе носилась вокруг, забрасывая дерево землёй и прибывая пламя курткой. «Э-э-эх!» – вздохнул с сожалением, и пламя само собой исчезло. «Оптический обманчик», – прокомментировал произошедшее дед. А ель как была, так и осталась стоять целой и невредимой. Я молча в изнеможении опустилась на землю, отдуваясь после такой встряски.

«А хочешь, теперь я тебе сказку расскажу?» – спросил лесовичок ласково. Я не в силах была ничего ответить, и он начал: «В некотором царстве, в замшелом государстве... Н-да-а-а-а, – остановился он вдруг, – а знаешь ли ты, девонька, кто такие лесовички и откуда они берутся при полном благоразумии окружающей действительности? – О как завернул, аж у самого дух перехватило!» – похвалил он сам себя.

«Не знаю, как это у других приключается, а о себе сейчас расскажу. Родился я обычным мальчиком и до шести лет жил и рос как все ребята – играл, резвился, шалил... – одним словом, ничем не отличался от своих сверстников, разве что ростом был чуть пониже. Но это мне не мешало быть весельчаком и заводилой в играх. Да-а-а-а, уж это точно, на выдумки я горазд... Так о чём я, бишь?.. А-а-а! Ну да! Так вот, папа мой, девонька, был замечательнейший охотник. Он неделями пропадал в лесу, а после возвращался с полной сумкой рассказов. Каждый раз, как он отправлялся на охоту, я просился с ним, но он отвечал: «Погоди, ты ещё маленький, вот подрастёшь...» И вот, в один прекрасный день, в день моего рождения, когда мне стукнуло ровнёхонько шесть лет, папа вдруг решил – пора. Я страшно обрадовался и стал собираться – надел резиновые сапоги, куртку, панамку, взял рюкзачок с горбушкой хлеба, и мы отправились в путь. До леса нужно было ехать на электричке. Она увозила нас всё дальше от дома, и мне становилось страшновато, но со мной рядом был папа, и он ласково кивал мне, чтобы я ни о чём не тревожился. Наконец, электричка остановилась, и приятный женский голос в динамике произнёс: «Остановка конечная – лес, можно выходить». Мы вышли и шагнули в густой лес.

Лесные двери всё плотнее закрывались за нашими спинами, и мне опять стало тревожно, но снова папа улыбкой успокоил меня. Он сказал: «Мы будем держаться рядом, но если ты, вдруг, отвлечёшься на что-нибудь и потеряешь меня из виду, садись на ближайший пенёк и жди – я тебя разыщу и заберу. А ещё мы будем перекликаться „Ау! – Ау!“ Понял?» Я согласно кивнул. И ещё папа предупредил меня, чтобы я в этом лесу ничего не трогал и не рвал, потому что лес этот не простой, а заповедный.

Мы пробирались всё дальше и дальше. Лес поразил меня своей красотой, полумраком, мельканием бликов и разнообразием запахов. В кустах то и дело кто-то шуршал, на деревьях тоже была небольшая сумятица – наш визит не остался незамеченным лесными жителями. «Ой!» – вскрикнул я от неожиданности, – белка, улепётывая, уронила мне на голову шишку. Вдруг я увидел огромные заросли малины, усыпанной спелыми ягодами. Я, забыв все папины наставления, бросился к кустам и принялся собирать спелую сочную малину. «Папа! Иди скорее сюда, здесь полно малины!» – позвал я громко, но мне никто не ответил. «Ау! – закричал я в испуге, – Ау! Папа!» Всё было тихо.

Я бросился сквозь заросли, напролом, не думая, куда я бегу, только бы вырваться из этого малинового плена. Но у меня ничего не выходило, будто бы кусты эти были заколдованные.

«Хи-хи! – услышал я вдруг тоненький смешок, – Хи-хи! Гляди, как старается, сердешный!» «Кто здесь?» – спросил я с опаской. «Подружки-лесовушки, Калинка да Малинка, а ты кто?» «А я мальчик, Тимоша, пришёл с папой в лес да заблудился». «Видала? Заблудился... Не заблудился, а мы с подруженькой тебя, милоч, заморочили. Чтобы ты наших ягод не рвал,

не безобразничал. А то много вас из города таких понаехало, простеньких, а мы вечно ходим обглоданные. Нам это ни к чему, мы девушки на выданье, нам нарядными быть охота. Гляди, каких ты нам уже успел прорех в платье понаделать, опять латать придётся. Нехорошо это, братец». «Простите, подружки-лесовушки, я же не знал... Помогите мне из ваших заколдованных зарослей выбраться, я больше не буду вас тревожить». «Ладно, испытаем тебя. Выдержишь испытание – отпустим тебя восвояси, а нет – пеняй на себя, останешься здесь на веки вечные нам прислуживать – одежду нашу чинить... Закрывай глаза ладонями, да чтоб честно, не подглядывать! Мы тебе варенье на пробу давать будем. Три раза. Угадаешь все три раза, из каких оно ягод сварено, гуляй себе на все четыре стороны». Что делать? Мне оставалось только плотно зажать глаза ладошками, разинуть рот и ждать.

«Ну, какое варенье?» – первую ложку мне дали. «Ну-у-у-у, это просто! Земляничное. Такое мне мама каждое лето варит и на зиму запасает. Чтоб было с чем чай пить.» «Ладно, – говорят, – угадал, сейчас потруднее что-нибудь отыщем. Вот это что? Говори». «М-м-м-м-м...» «Да ты не мычи, не мычи, выкладывай, из чего сварено?» «Это я от удовольствия. Моё любимое, черничное варенье». «Смотри-ка, и впрямь, черничное. Ишь, какой шустрый! Ну, а вот это уж точно не угадаешь. А? Как тебе это?» «Кисло! Значит, клюквенное». «Верно, твоя взяла, выходи на волю». Я ладошки от глаз отнял и вижу – нету и в помине никаких кустов, а стою я на полянке, посреди которой возвышается пенёк. Тут я папин наказ вспомнил про то, чтобы его не искать, а на пенёчке сидя ждать. Забрался, ножки свесил, сижу. Сидел я так, сидел, и в сон меня клонить стало. Вдруг вижу – вокруг пенёка – грибов целый хоровод – и как это я их сразу не заметил? «Ну, – думаю, – с ягодами не вышло, хоть грибов домой принесу – всё не с пустыми руками вернусь».

Только потянулся за ближайшим грибом, а они все как вдруг зашевелились, закружатся... У меня в глазах потемнело, очнулся, – вижу, что-то не так – грибы какие-то огромные, – шляпки на уровне моих глаз. Потом на себя глянул и обомлел, – я уже не я, а гриб!!! И не грибы это выросли, а я стал маленьким, размером со среднего роста грибок! Испугался я тут не на шутку, аж позеленел весь от ужаса – что же теперь будет-то? Тут один самый большой и старый гриб говорит: «Это кто же такой среди нас затесался зелёный? Мы этот цвет, конечно, уважаем, но порядочному грибу таким быть не положено. Или, может, ты какая-нибудь новомодная разновидность, о которой мы ещё не слышали?»

«Нет, – отвечаю дрожащим голосом, – я не разновидность, я мальчик, Тимоша, пришёл с папой в лес и заблудился, а теперь вот ещё и грибом стал, совсем худо». «Да уж, чего хорошего, – гриб говорит, – только ведь это неспроста, само по себе в лесу ничего не случается. Видно, ты грибы обидеть хотел, вот сам грибом и стал. А папа, небось, тебя предупреждал, чтоб ты ничего в нашем лесу не трогал. Так ведь?» «Так, – со вздохом ответил я, – но что же мне теперь делать? Неужели, так и оставаться грибом всю жизнь?» «Ладно, не плачь, дадим тебе испытание, выдержишь – отправляйся к своему папе, а нет – будет у нас в лесу новая порода грибов – зелёные... Кхе-кхе,» – заусмехался старый. «Испытание тебе такое – закрой глаза, будем тебе давать понюхать по очереди три гриба – если угадаешь все три – иди на все четыре стороны...» Я глаза крепко-накрепко закрыл, жду.

«Ну, отвечай, что это за гриб?» Я носом повёл, принялся, в ушах у меня березнячок зашумел. «Это, – говорю, – подберёзовик». «Смотри-ка, верно назвал,» – подивился гриб-старшина, – угадывай другой». Я опять нос наострил, трухой древесной на меня пахло. «Опёнок это», – говорю. «Опять верно», – зашептались грибы. «Тихо! Без паники!» – прикрикнул на них старшина. «Сейчас мы ему самый сложный гриб подберём, раз он такой умник. Ну-ка, что вот это?» И тут на меня и травой-муравой, и теплом солнечным, и домом пахло, я сразу всё понял и говорю: «Это лисичка-сестричка, мой любимый гриб, рыженький». «Что ж, твоя взяла, – говорит гриб-старшина, – отправляйся восвояси». Отнял я ладошки от лица, а ничего нету – ни полянки, ни пенёка, ни грибов. А сам я никакой не гриб, а самый обыкновенный

мальчик. И стою я на опушке леса под рябинкою, а на веточке сидит маленький пушистенный птенец и дрожит, – холодно ему. «Дай-ка, – думаю, – спрячу его под курточку, авось согреется?» Только хотел взять птенчика, как налетела большая-пребольшая птица, схватила меня за шиворот и понесла в небо.

Дух у меня от высоты захватило, ничего толком не помню, только очутился я в дупле огромного дерева, в гнезде среди птенцов.

«Пи-пи-пи, – запищали радостно птенчики, – какую хорошенькую игрушечку нам мама принесла, вот здорово!» «Никакая я не игрушечка», – обиделся тут я, даже о страхе своём позабыл. «А кто же ты?» «Я мальчик, Тимоша, пошёл с папой в лес да заблудился, – повторил я в который раз свою историю, – помогите мне отсюда выбраться». «Ладно, – птица говорит, – она с той стороны дерева всё слышала, – дадим тебе испытание. Выдержишь – отпустим, а нет – останешься у нас, будешь моих птенцов развлекать – анекдоты им рассказывать». И откуда она знала, что я анекдоты рассказывать люблю? «Закрывай глаза, – говорит, – мы тебя пёрышками щекотать будем. Угадаешь три раза, от каких птиц пёрышки, – иди на все четыре стороны. Закрыв я глаза, в который раз за сегодняшний день, жду. Вдруг по лицу словно бумажным листом – шворк-шворк, а в ушах такой шум и гвалт поднялся, словно несколько радиоточек заработали одновременно. «Сорочье пёрышко», – догадался я. «Верно, сорочье». Тут гвалт сразу стих, а по моим щекам словно мурашки побежали, – туда-сюда, туда-сюда. «А это что?» – птица спрашивает. «Куропатка пёстренькая», – отвечаю, ничуть не задумавшись. «Опять правильно, – птица удивляется, – ну, а теперь, чьё это пёрышко?» И тут по моему лицу ласковая волна пробежала, и снова – мягкая, пушистая, нежная волна. Я сразу маму вспомнил и загрустил. «Ну, что же ты молчишь? – птица встрепелась, – Или не знаешь? Видно, что не знаешь...» «Знаю, знаю! – кричу я изо всех сил, – лебяжье пёрышко, лебяжье!»

«Тимоша, очнись, Тимоша!» – слышу мамин голос. Открываю глаза, вижу – лежу я на кровати в своей спальне, надо мной мама склонилась и плачет, и говорит, будто пролежал я в беспамятстве три дня и три ночи, а перед тем ходили мы с папой в лес, он меня потерял, полдня искал, весь лес обегал, а потом нашёл в дупле старого дерева без сознания. Я маме с папой всё, что со мной было, рассказал, они только переглянулись грустно, и мама меня по голове погладила нежно. Не поверили. А ведь это всё было...»

«А почему Вы думаете, что было?» – спросила я, так как лесовичок, похоже, досказал свою историю.

«А потому, что я после в своём рюкзаке нашёл три грибка-боровичка, пёрышко лебяжье и баночку малинового варенья», – тут он сладко причмокнул. «Но этого мало... Пришёл срок, и стал я сам лесным жителем, природы попечителем, потому как в лесу за всем догляд нужен. Вот так вот, девонька».

«Ох-ох-ох! – загундосил вдруг лесовичок, – Ох-ох-ох, ой-ой-ойушки-ой-ой!» «Что с тобой, дедушка?» – спросила я испуганно. «Какой я тебе дедушка! Мне всего шестьсот лет. Неполных!» – добавил он, многозначительно подняв вверх палец. «Ой-ой-ой», – заныл опять жалобно. «Да что случилось-то? – спрашиваю, – Болит что-нибудь?» «Какая ты чёрствая, всё-таки. Ничего у меня не болит. Скучно мне. Хочу чего-нибудь новенького, интересенького. Есть у тебя что-нибудь интересенькое?» Я порылась в карманах. В одном были ключи от дома, носовой платок и какая-то мелочь. Ничего существенного. А мне так хотелось порадовать лесовичка. Я полезла в другой карман и там обнаружила маленькое зеркальце. «Ой, что это?» – заинтересовался лесовичок, выхватывая зеркальце у меня из рук. «Ты же раньше в доме с мамой и папой жил, – говорю, – неужели, не помнишь? Это зеркало». «Честно признаться, девонька, я тебе маленечко прилгнул насчёт мамы с папой. Хотелось поразить тебя своей героической биографией. На самом же деле, я обыкновенный рядовой марсианин. Прилетел сюда, вот на эту поляночку, шестьсот лет назад, приземлился на пенёк, да так и сижу, – ловлю сиг-

налы разных цивилизаций. Внеземных. А почему именно здесь? Потому что тут находится Волшебная кладовая Вселенной. И пенёк этот не что иное, как Пуп Земли, энергетический полюс. Я понятно изъясняюсь?» Я стояла с разинутым от удивления ртом и молчала. Лесовичок подошел к краю пенёка, дотянулся до моего лица и аккуратно, одним пальчиком взяв меня за подбородок, придвинул мою нижнюю челюсть к верхней. Потом сел посередине пенёка в позу лотоса и заорал диким голосом: «Мяу-у-у-у-у-у-у-у-у!!!» «А? Что? Кто это?» – очнулась я. «Ты была в шоке, девонька, пришлось принять экстренные меры. Я немножко покричал диким котиком, ты уж извини. Так что, ты говоришь, это такое? Зеркало? Сейчас поглядим. Поглядим. Ой, ой!!! Кто это там сидит? Бородатый, и глаза вытарашил!» «Где?» – говорю. «Да вот же, там, в зеркале!» «А-а-а... Этот волосатый с безумным взглядом? Эт ты-ы». – протянула я с наслаждением, отыгрываясь за дикого котика. «Я-а-а? – удивился лесовичок, – А что, ничего себе мужинка, видный, глаз горит. А? Как считаешь?» «Насчёт глаза я согласна, – говорю, – но этого мало. Нынче время такое, что сидя на пенёке ничего путного не высидишь». «Молодая ты ещё, неопытная, – заворчал лесовичок, – чтобы мне указывать. Ишь, молодёжь, какие прыткие... Не высидишь... Вам бы всё скакать козлами да танцевать камаринского, а нет бы остановиться и подумать как следует: «И чего это я тут отплясываю, кто я такой есть и на что пригоден? В сакральном, метафизическом, так сказать, смысле. И, вообще, знаешь ли ты такого человека, который суестью чего-нибудь добился? Или в беготне счастье распознал... Если знаешь, расскажи. А я послушаю». «Ладно, попробую, – согласилась я, – расскажу тебе про друга моего, Ивана, как он странствовал по свету в поисках Ларисы». «А кто она такая, эта Лариса?» – поинтересовался лесовичок. «Лариса...

Лариса проснулась от того, что в доме поднялась жуткая суеда, шум, гам... Мышки все попрятались в норки, не то, что – нос, хвост высунуть боятся. А за дверью слышен перезвон посуды да беготня какая-то. «Что случилось-то?» – спросила Лариса у серого мотылька, который дремал после бессонной ночи. «А? Что?» – не понял тот спросонок. «Случилось что?» – повторила Лариса. «А-а-а, гостя ждут, принца скандинавского», – ответил мотылёк, зевая, и опять завалился в сон. «Не иначе, мне жениха нашли, – подумала Лариса досадливо, – Ну, родители, ну, хитрецы! Хотели меня врасплох застать. Чтоб я не успела куницей обернуться и убежать из дому. Что ж, может, оно и к лучшему... Надоело по лесу бегать в такой холод, бр-р-р-р. Выйду и посмотрю, что это за цаца такая заморская». А ведь и вправду – заморская...

Лариса жила на полуострове. С одной стороны у полуострова – полуморе, с другой – полусуша. А Иван жил на той половине суши, которая когда-то давно от этой половины откололась и в море уплыла. Иван знал, что он Ларисина половина, а она не знала. Потому что она женщина и должна быть скромнее. Она просто сидела в своём полудоме у полуокна и курила трубку (мысленно), а на голове у неё красовался тюрбан с полумесяцем.

А заморский принц, увидев Ларису, потерял дар речи, поэтому он просто сидел с нею рядом и помалкивал, только глаза тарашил. А Лариса на него – ноль внимания. Сидит, курит. И в глаза-щёлочки поглядывает – куда дым от её трубочки летит.

Родители Ларисы очень хотели, чтоб она за принца заморского замуж вышла. Они в замочную скважину подглядывали, как у Ларисы проходит свидание с принцем. Увидели принца с вытаращенными глазами и успокоились, говорят друг другу: «Жених-то приглядывается, – значит, скоро предложение сделает. Надо пойти приданое подновить». И пошли. Лебяжий пух поворошить да морских котиков на солнышке пообсушить.

А дым от трубочки всё летит, летит...

Иван носом повёл и говорит: «Это Лариса раскурила трубку мира. Надо, значит, скорее налаживать паруса да к ней плыть, пока она не передумала». И поплыл. Только всё было бы слишком просто, если бы они так скоро встретились.

Приплыл Иван, подошёл к ларисиному полудому, а Ларисы там, вроде как, и нету. На самом-то деле, она там была, только в ту минуту случайно повернулась к Ивану своей второй половиной... то есть, им самим.

Иван очнулся перед зеркалом... Он так долго в него вглядывался, что впал в забытё. «Значит, придётся всё начинать сначала», – подумал он и пошёл собирать узелок в дальнюю дорогу, чтобы лететь на ларисин полуостров. Тут он вспомнил, что на самолёт билет нужен, а денег у него было только две полушки да три грошика, да и те были в ходу когда-то давно, аж при царе Горохе, так что потратить их не было никакой возможности. Вот и носил их Иван с собою как воспоминание или как напоминание, что он, всё же, не просто так парень, а сказочный персонаж.

Ну, вот, Иван достал свою любимую трубочку (всамделишную, а не метафизическую, как у Ларисы), вышел в яблоневый сад, закурил, думает, – что же теперь ему делать? Вдруг, смотрит, на дереве, прямо перед его носом, листок висит, а на листке написано ОБЪЯВЛЕНИЕ

Нужан работник —

карактором покладистой,

по дому чтоб всё делал

и баб не водил.

Подпись: Яга (баба).

«Так это ж про меня написано, – подумал Иван, – только идти-то куда?» Присмотрелся, а рядом с объявлением катушка с плёнкой висит. Он её с ветки снял и на землю бросил. А она стала разматываться и покатила под горочку, по переулочкам да по улицам, да прямо в центр города, а там перед серым домом каменной остановилась. Иван в дверь постучал и ждёт.

Выходит из дому баба, из себя видная, на носу очки, в руках микрофон – всё при ней, спрашивает: «Ты по объявлению?» «Ага», – Иван отвечает. «Ну, проходи». «А где же старушка, которой помощник требуется?» – говорит Иван, оглядевшись. «Какая старушка? Там же ясно сказано – баба. Я и есть. У меня тут студия. Музыказаписывающая и звукоизвлекающая. Ты, к примеру, на каком инструменте играешь?» «Во влип! – подумал Иван, – Ну, что ж, буду выкручиваться». «Я, – говорит, – на балалайке мастер играть. Знаете трио такое знаменитое – „Бал лаек“ называется? Я в нём играл. На бас-балалайке. Только у меня её сейчас с собой нету, она в ремонте, потому что я её случайно уронил со сцены. На голову директору клуба, в котором мы репетировали. На него сразу просветление нашло, и он в кришнаиты подался. Клуб в Храм Харирам переоборудовали, и нам репетировать негде стало, вот мы и разбрелись, кто куда... А, вообще-то, я думал, Вам работник нужен по хозяйству чего сделать – дров нарубить или воды принести».

«Дров, я вижу, ты уже успел много наломать, да и воду лить мастер. А теперь давай за дело принимайся – технику осваивай – бери тряпочку и протирай всё, что под руку попадёт». «Ладно,» – Иван говорит. Дня три он так всё протирал, проявил усердие, а после Яга видит – парень-то толковый, стала ему доверять более ответственную работу – за зельем в магазин бегать. Иван, конечно, не отказывался, но сам не пил ничего и не ел у Яги в доме, а выжидал. Вот как она наестся да напьётся, спать ляжет, так он гитару в руки берёт, инструмент постигает. Так помаленьку играть научился, думает: «Ну, денег тут, похоже, я не заработаю, зато буду теперь первый парень на деревне, не хуже любого гармониста, и Ларисе понравлюсь. А, вообще-то, хватит мне тут прохлаждаться, пора в путь отправляться». Во, как заговорил, прямо стихами, так ему на одном месте сидеть опротивело. Ну, и решил он на полуостров к Ларисе пешком топать (раз денег на билет не раздобыл). Написал Яге записку: «Так, мол, и так, ухажу по очень важному делу, ищите себе другого дурака», взял свой узелок, который он так и не развязывал с тех пор, как к Яге попал, вышел из дома, потом из города, и пошёл по направлению к лесу. Вошёл в лес, идёт по лесу... Идёт и курит свою любимую трубочку...

А Алёнка со своими домочадцами – жирафиком и муравейчиком – в это время пошли в тот лесок, по которому Иван шёл, прогуляться. Они любили гулять и болтать о всякой чепухе, каждый – о своей, причём одновременно. Главное, нужно было следить, чтобы муравейчик в ней не потерялся, он ведь такой маленький. Иногда его специально сажали на спину жирафику, чтобы он мог увидеть мир с высоты своего плёта. Полёт получался, когда муравейчик сваливался со спины жирафика и летел на траву. Бывало, что жирафик катал по лесу и Алёнку, не только муравейчика. А в этот раз он посадил себе на спину их обоих и не спеша прогуливался по тропинке, ведущей от их домика к земляничной полянке.

Вот на всю эту честную компанию и натолкнулся Иван, в задумчивости шедший в неизвестном ему направлении. То есть, он увидел только жирафика, так как остальные прятались за его длинной шеей.

Иван, конечно, обалдел, увидев в нашем обычном лесу настоящего жирафа. И глазам своим не поверил. Жирафик остановился и на Ивана смотрит, а Иван на жирафика. Долго так стояли. «Если Вы немой и разговаривать не умеете, – не утерпела тут Алёнка, – то хотя бы, напишите, кто Вы такой и что Вам нужно в нашем лесу». «Я неграмотный, – огрызнулся Иван, – и писать я не умею, только на машинке печатать. Одним пальцем». «Ой, правда? – обрадовался жирафик, – Вот здорово, а у нас как раз машинка есть, только она уже вся запылилась. Потому что на ней совершенно некому печатать, – посмотрел печально на свои копытца и добавил просто, – Пойдём к нам».

«А что? – подумал Иван, – Зайду на часок, почию машинку». Пришёл, а в коридоре зеркало висит, в которое он когда-то смотрел Ларисе в глаза.

Лариса работала в цирке – дрессировщицей морских котиков. Она учила их подавать лапку и мелодично мяукать. Но это было очень трудно, поэтому она так долго сидела у своего полуокна и смотрела на полуморе. Ей, конечно, хотелось поехать в другие страны, но не просто так, а чтобы всех удивить. Она не понимала, что её глаза-щёлочки и тюрбан с полумесяцем и так всех удивят, а кое-кого даже обрадуют. Но разве мы можем предугадать, что всех удивит и кого это обрадует?

Алёнку, например, очень удивили и обрадовали ивановы часики. Они были без механизма, но зато с кукушечкой, которая, если не спала и была в хорошем настроении, сообщала, который час, предварительно справившись об этом по телефону или у какого-нибудь прохожего. Дело в том, что алёнкины часы ещё прошлым летом съел один неблагонадёжный змей по имени Корней, останавливавшийся ненадолго в её домике. Он очень любил всякую мелкую технику, и не мог удержаться от соблазна её погрызть.

Но Иван свои часики Алёнке не отдал, сказал – это подарок Ларисе, неудобно без подарка. Только дал на время поносить. Алёнка и этому ужасно обрадовалась. Она, вообще-то, была очень застенчивая. Это, сидя на жирафике, из-за его пятнистой шеи, она могла сказать что-нибудь смелое, а так – нет.

Но жирафик тоже не всегда бывал дома, потому что он ходил на работу. Работал он у столяра Гоши подмастерьях. Столяр Гоша делал разную мебель, в основном – шкафы. И как делает, так непременно инструменты на шкафу забудет. Вот и взял помощника, чтоб напоминал.

А познакомились они так – гулял однажды жирафик по улице, шёл и машинально в окна заглядывал. Кто-то сердился, занавески задёргивал, кто-то булочку протягивал, а в одном окне Гоша как раз шкаф доделал, но на этот раз инструменты со шкафа снял, аккуратно в чемоданчик сложил, и тут же забеспокоился (по привычке): «А не забыл ли я чего-нибудь на шкафу?» Вот он стал подпрыгивать, чтобы на шкаф заглянуть... Подпрыгивает, подпрыгивает, а жирафик стоит, смотрит и считает: «Один миллион триста двадцать семь, один миллион триста двадцать восемь, один миллион триста двадцать девять... Эх! Ну что же вы остановились? Одного прыжка всего не хватило, а то бы в книгу рекордов попали». «Какая ещё книга? – говорит Гоша, – посмотри лучше, нет ли там чего, на шкафу?» Жирафик шею пригнул, чтобы получше

рассмотреть, и говорит протяжно: «Не-е-е-т.» С тех пор они вместе и работают. А Алёнка с муравейчиком дома сидят, вроде как, по хозяйству.

Только вот беда с этой алёнкиной застенчивостью... Соберётся она, к примеру, в магазин, купить бананов жирафику, молока муравейчику и себе мороженого, но из дома не выйдет, пока правильно фразу не составит, которую в магазине сказать должна, и как следует не выучит. «Скажу я, допустим, так, – думает она, – Мне, пожалуйста, пакет молока мороженого и кило бананов. Нет. Что-то не то, где-то я здесь запятую забыла поставить. Но, ведь, вслух-то её всё равно не произнесёшь. Иначе выйдет телеграмма какая-то, а не как маленькая девочка говорит». И так, и эдак вертит. Так ничего и не купит, все сидят голодные.

А с тех пор, как у них Иван поселился, в доме завелись пельмени, так что с едой всё наладилось. Жили они так, не тужили, но однажды встал Иван и говорит: «Хорошо мне у вас, спокойно, спасибо за всё, только надо мне идти навстречу моей судьбе, потому что судьба моя сиднем сидит и сама мне навстречу не выйдет». Что ж, повздыхали все, поохали да и отпустили его с миром, ещё денег на билет дали – набралось по соседям. Иван, конечно, сначала брать не хотел, а потом говорит: «Как смогу, так вышлю», – и побежал в аэропорт.

Сунул деньги в кассу: «Дайте мне билет». Ему говорят: «Куда?» А он: «Докудова хватит». Потому что считал, что до полуострова ларисиново всё равно так сразу не долетит, а только с пересадкой. Где вы видели прямой самолёт на край света?

В самолёте всё показалось Ивану необычным и чужим. Хотя, в целом, ему понравилось – чисто, всё блестит, пахнет хорошо. Девушки красивые – стюардессы называются. Только улыбки у них какие-то неестественные, надувные как будто.

В проходе Иван замешкался, потому что кто-то наступил ему на шаровары. Образовалась небольшая свалка. Кто-то уронил свой контрабас, Иван поднял его и положил на вещи какого-то толстого мужика. Тот, почему-то, виновато улыбнулся. После этого пришлось урезонивать какого-то нервного человечка, который отламывал кусок багажной полки, не желавшей открываться. «До чего народ суетливый, – удивился Иван, спокойно открывая полку, – Нет, главное, с чего это?» Забыл, как сам мчался в аэропорт...

Наконец, все уселись, вышла стюардесса и заговорила, только, почему-то, на каком-то тарабарском языке. «Вот те на, – подумал Иван, – куда же я лечу?» Пока он это обмозговывал, стюардесса к нему подбежала, что-то протараторила, чем-то щёлкнула и убежала. И самолёт взлетать начал. У Ивана внутри всё подобралось. «Надо, – думает, – выйти покурить», – дёрнулся, а он к креслу привязан. «Ну и дела!» Стал спрашивать у соседа, что теперь делать-то, а тот молчит – как воды в рот набрал. Вдруг, слышит родную речь где-то сзади. Оборачивается – мужики, наши, родные сидят!

«Мужики, – спрашивает, – подскажите, как бы мне этот ремень развязать?» «А это, – один из них говорит, – не ремень, а детектор лжи. Пока всю правду не скажешь, не откроется. Отвечай по совести – любишь Ларису?» «Люблю». «А по Алёнке скучаешь?» «Скучаю». «Тот-то и оно, и она к тебе привязалась...» «Да что вы, обалдели, что ль, чего в душу-то полезли? Снимайте сей же час ваш дефектор, а то я тут всё разнесу!» – взбеленился Иван. «Да ладно, пошутили мы, смотри, вот тут нажми, – и откроется».

«Шутники, тоже мне, – подумал Иван устало, – с чего это ей ко мне привязываться, у неё вон – полон дом зверья». Пригорюнился Иван, уткнул нос в колени, сидит. Слышит, к нему стюардесса подходит, опять что-то говорит не по-нашему. Он голову поднял, а она что-то из ручки кресла достала, дощечки какие-то. И ему на колени положила. Только они не ровно легли, а домиком, потому что Иван коленки распрямлять отказался. Вот сидит он так – ноги в домике, в руки ему тарелку с омлетом дали – хоть плачь! Сосед его давно уж всё слопал, газетой накрылся и спит, а Ивану не до того – сидит, думу думает. «А, ладно, – махнул рукой, – ни до чего я так не додумуюсь. Вот если бы сейчас чайку горяченького выпить, тогда сразу полегчало бы». «О'кей,» – отвечает на его мысли стюардесса и забирает из рук ненавистную

тарелку. Приходит через минуту с подносом, а на нём чайник, чашка и пакетики какие-то цветные. Взял Иван чашку, хотел чайник взять – налить чаю, и одновременно за пакетики схватился – может, там чего нужно, а девушка друг вся покраснела, почему-то, и говорит на чистом русском языке: «Поставьте чашку на поднос!»

«Какая странная!» – подумал Иван и... проснулся. Он лежал на раскладушке всё в том же алёнкином домике, а на стене висело всё то же мутное зеркало. В соседней комнате Алёнка играла на рояле и пела высоким голосом упражнение из учебника по молекулярной физике. Ивану показалось, что зеркало ехидно подмигивает ему. Он встал, подошёл к нему вплотную. В туманной глубине замаячил недосягаемый ларисин полуостров.

«От себя не уйдёшь», – подумал Иван и шагнул в зазеркальное пространство».

Я замолчала, молчал и лесовичок, задумавшись. Чтобы как-то развеять грусть, я потихонечку стянула у лесовичка зеркальце и, поймав лучик, запустила солнечного зайчика. «Н-да-а-а, – сказал, наконец, лесовичок, – ну и что, это вся история?» «Да», – ответила я. «И откуда же здесь видно, что суета не во вред, а на пользу? Чего он добился, твой Иван? Бродит неизвестно где, в лабиринте запределья, – ни уму, ни сердцу. Был у меня один такой друг. Японец, правда, но ничего себе, неплохой мужик. Он при Фудзияме был приставлен – следить за чистотой и порядком. Лет пятьсот так жил, пыль с Фудзиямы стирал, а потом вдруг взбре...»

«Подожди, подожди, – прервала я лесовичка, – ты же сказал, что ты марсианин, и что как приземлился, так никуда с этого пенька не трогался за всю жизнь, откуда же у тебя друг в Японии?» «Да, верно, откуда?» – задумался лесовичок. «А-а-а! – хлопнул он себя радостно по лбу, – так про марсианина это я тебе, девонька, наврал. Ну, какой из меня марсианин, посуди сама?» «Это уж точно», – согласилась я. «А с японцем я познакомился на метафизическом уровне, без личного контакта, проще говоря – телепатически. И он мне рассказал притчу. Про себя». «Как же это он мог про себя рассказать притчу? – не унималась я, – притчи рассказывают про других, а не про себя, а про себя – это автобиография». «Какая же ты бестолковая, всё-таки, давненько я таких не встречал! Я же тебе ясно сказал – он рассказывал притчу про себя, в уме, то есть, а я её телепатическим путём слушал». «Ладно, допустим, это так, о чём притчат?» «Не о чём, а о ком – о другом японце, которого звали Синапури.

Жил был один японец по имени Синапури...»

Лесовичок умолк. На сей раз – очень надолго. Наконец, я не выдержала: «Что же дальше-то было с этим японцем, расскажи?!» «М-да-а-а-а, – возмущённо засопел лесовичок, – как вас жизнь-то городская пообтесала – никакой чуткости к японскому искусству. Это же и есть вся притча, полностью». «Ну, что ж, – говорю я, уже почти не удивляясь ничему, – вполне, так сказать, в японском стиле – коротко и ёмко». Мне хотелось отблагодарить лесовичка за столь содержательный рассказ, но я ничего не могла вспомнить подходящего. Ещё раз пошарила в карманах и, вдруг, нащупала какой-то листок. Достала и вижу, что это листок из дневника моей бабушки. Видно, случайно выпал, когда я выкладывала дневник из кармана. Лесовичок по-прежнему молчал, поэтому я сказала: «У меня тут есть один листок бабушкиных воспоминаний. Хочешь, прочту?»

Лесовичок мрачно кинул и поскрёб пальцами ног по пеньку. Всё ещё продолжал дуться за мою непонятливость. Я сделала вид, что не замечаю его настроений и прочла:

«Маня. Мои воспоминания.

Маня родилась в очень бедной семье. Мать и отец работали по найму на текстильной фабрике.

Мама вышивала вручную, а отец – на тамбурной машине.

На фабрике они и познакомились. Их поженили по сватовству. Долго у них не было детей. И они просили Бога, чтобы он послал им ребёнка. Вот и родилась у них дочка, которую назвали Маня. Она была крохотная и голубоглазая. Родители её очень любили, души в ней не чаяли. Жили они все в очень ветхом деревянном домике, а потом переехали в подвал небольшого

кирпичного дома. Там с ними стала жить ещё и собачка маленькая – Жучка, привязавшаяся к ним по дороге при переезде из деревянного домика в кирпичный. И, вообще, всё у них было маленькое – маленькая кухонка с маленьким столиком, маленькая печка и маленькая кровать, в которой спала маленькая Маня.

За окном моросил мелкий дождик...»

Я остановилась, потому что на этом запись обрывалась. Робко взглянув на лесовичка, я увидела, что он сидит всё в той же позе, как и в начале чтения, только ещё больше насупился. «Если вы так живёте, то где же у вас приткнуться порядочному домовому? Для него и места-то нет», – произнёс он, наконец, неуверенно. «Ой, да что ты! – бросилась я его успокаивать, – Это ж когда было? Очень давно. Теперь всё иначе. У меня, например, своя комната есть, с диванчиком. А хочешь, я тебе её покажу? Пойдём, пойдём со мной в город, я тебе покажу, как мы живём, какие у нас дома красивые, улицы. Пойдём, а?»

«Не знаю, – засомневался лесовичок, – не верю я, что какие-то там кривулицы лучше моего леса могут быть. И чего я у вас в городе не видел?» «Клюквы! – раздался вдруг пронзительный визг откуда-то со стороны болотца, – Хочу клюквы!» «Что это?» – спросила я испуганно. «А, не обращай внимания, это кикимора беснуется. Сейчас я её мигом успокою», – он медленно и аккуратно сполз с пенька, потянулся, поприседал, и, кряхтя и охая, поплёлся к болотцу». «Клюквы! – продолжало доноситься оттуда, – Клюквы!» «Ты чего орёшь, душу изымаешь?» – интеллигентно поинтересовался лесовичок, – У тебя ж в болоте полно клюквы, куда тебе её, солить, что ли?» «Клюквы! – не унималась кикимора, – Клюквы мне подайте! Хочу клюквы... – она остановилась перевести дыхание и вдруг как рывкнет – в сахаре!!!» – и в изнеможении плюхнулась в тину.

Сахар в лесу не рос – это лесовичок знал точно. «Видать, какая-то диковина, – подумал он, а вслух спросил у меня, – А что это такое – сахар?» «Сахар – это такой песок, от которого любой продукт становится слаще», – подумав хорошенько, сформулировала я. «Но зачем? – удивился лесовичок, – В природе всё и так есть – сладкое и горькое, солёное и кислое... Если тебе сладкого захотелось, – обратился он к дрейфовавшей в тине кикиморе, – так надо было малину собирать, а не клюкву. Клюква на то и клюква, чтобы быть кислой».

Вообще-то лесовичок не любил приторности, ему нравилась жизнь с кислинкой, и он удивлялся этим городским глупостям, которые мешали естественному ходу вещей. Но о вкусах не спорят, а лесовичок очень хотел, чтобы всякому лесному жителю было хорошо и вкусно. В конце концов, каждый должен в жизни хоть раз получить то, что ему хочется, если, конечно, это в рамках приличия. Сахар был вполне в этих рамках, и лесовичок, подумав чуток (часа три), встрепенулся: «Ладно, идём в твой город!»

Он имел о городе весьма приблизительное представление, а точнее – удалённое от действительности. Иногда, по очень большим праздникам, он отрывался... от своего пенька, произносил победное: «Ух!» и отправлялся «в город». Городом назывался алёнкин огород (помните Алёнку из сказки про Ивана?) Так вот, её домик стоял как раз на границе леса и безлесья, в общем, на опушке. «О! Город!» – восклицал каждый раз лесовичок, попадая в алёнкино хозяйство.

Настоящий город белел на той стороне реки и никакого отношения к алёнкиному огороду не имел. Предчувствуя, что путешествие на этот раз будет долгим и муторным, лесовичок разволновался и завертелся вокруг своей оси, как пёс, охотящийся за своим хвостом.

Поймите, он не привык отлучаться надолго из родного леса. Чтобы хоть как-нибудь поддержать друга в трудную минуту, японец, упоминавшийся ранее, прислал лесовичку телепатеу в стихах, которую мы приводим в сумбурном переводе с японского на лесной:

Всё вышло так, как я хотел,
Согрет ночами славных тел,
Стою, как сакура в цвету,

Я снова полюбил не ту...
Меня сомнения гнетут,
Мне кажется, что я не тут.
В продмаг за сахаром плетусь,
Стою и жду, пока дождусь.
Я знаю фразу: «На флэту»,
Но тут – флиртуй иль не флиртуй, —
Она проходит эта дурь,
Друг, ты хоть что-нибудь нахмурь!
Он улыбнулся во весь рост,
Я песни пел, как певчий дрозд,
На безымянной высоте...
Всё вышло так, как я хотел.

Лесовичок был благодарен японцу за поддержку, хотя почти ничего не понял в этом многословном разностишии, а то, что понял, показалось ему выходящим за рамки приличий. Но в конце концов, главное не результат, а посыл, как учили его в лесной Академии, которую он закончил с отличием, без отрыва от пенька.

«Как мы до твоего города добираться-то будем?» – проворчал растревоженный вконец Мошка, – на электричке или пешком через поле? А?» «Вдоль забора пойдём», – отрезала я почекистски ёмко. «Хм, странный метод», – засомневался дед. «Самый верный, – успокоила я его, – Петрович, наш сосед по даче, всегда так делает. И ещё ни разу мимо дома не прошёл». «Ну, если Петрович... А где мы возьмём забор?» «Да вот, например, вполне подходящий», – в этот момент мы вышли из леса к заброшенной узкоколейке. С одной стороны рельсы обрывались, с другой – шли в неизвестном направлении. Узкоколейку сопровождал, вопреки всякой логике, серый бетонный забор. Мы пошли вдоль него, наслаждаясь покрывавшими его надписями и рисунками.

«Маша! Я люблю тебя! Д.» – прочитал с выражением Мошка.

«Здесь были Карякин и Гусликов»

«Долой потаповцев!»

«Привет от строителей ТЭЦ №8!»

«Вася и Мирон – козлы!»

«Лена плюс Лёха = искренняя др.»

Далее висел большой белый лист, явно не так давно наклеенный, на котором было написано следующее:

«Обращение президента!

Дорогие сограждане! Как видите, я вновь возвращаюсь к работе.

Ситуация в стране под контролем.

Спасибо всем, кто верил в меня и поддерживал в трудную минуту.

Трудности легче преодолевать сообща. Это наша традиция.

Поэтому своим Указом объявляю сегодняшний день – днём преодоления трудностей с последующим народным гуляньем и танцами.

Подпись – Ваш Президент».

«Да, но здесь нет числа – о каком дне идёт речь?» – шепнул мне на ухо озадаченный Мошка. «А зачем?» – не поняла я. «Как зачем? Так всегда делается. При составлении важных документов. Людовик Тринадцатый, например...» «Ну, ты даёшь! – перебила я его, – ещё царя Гороха вспомни. Так уже давно никто не делает. Прогресс, новые технологии... Понял?» «Понял... То есть, нет, не понял, но, видимо, это не так уж важно».

Забор в это время сделал резкий поворот и как-то подозрительно накренился. Из него был выбит солидный кусок, и сквозь дыру виднелся овраг. «Слава Богу, добрались», – обрадовалась я, потому что уже начинало темнеть. Овраг был на самой окраине города и служил как бы его границей. Оставалось перейти на другую сторону, а там уж и до автобусной остановки рукой подать.

Мы пролезли в дыру и спустились овраг. Темнота спустилась вслед за нами и накрыла с головой. Мы двигались наощупь, медленно переступая, чтоб не поскользнуться. Я не боюсь темноты, а Мошка и подавно, всё-таки, всю жизнь в лесу прожил. Но я не хотела потеряться, вернее – потерять деда. В городе он заблудится с непривычки. Поэтому, мы шли и тихонько переговаривались между собой. «Слушай! Я тут вдруг подумал – а как ты вообще в моём лесу оказалась? И что ты там делала одна?» – прогундосил как бы сам себе лесовичок. «Ура! Я выиграла!» «Что?» – не понял Мошка. «Я выиграла спор, – пояснила я, – мы с кикиморой перед нашим с тобой уходом поспорили – спросишь ты меня – кто я и откуда или нет. Кикимора сказала, что – нет, потому что тебя интересуют более высокие материи. И проиграла!» «Да? Она так сказала? Н, что ж, великий ум, так сказать... требует, м-м-м, очень большой сосредоточенности, ничего лишнего, никаких... н-да-а-а...» Лесовичок явно потерял нить, но при этом всё больше раздувался от гордости, приняв мои слова, как и всё, что я говорю, за комплимент. «Значит, мне не рассказывать о себе?» – растерялась я от такого поворота нашего разговора. «Нет, почему же, расскажи, если хочешь, а то расстроишься. Я добрый дед, отзывчивый. Родители-то у тебя есть?» «Есть. Только они сейчас в командировке, в Тигусигальпе». «Родители, значит, в отъезде, а ты по лесам шляешься? Нехорошо-о-о...», – протянул Мошка. «Я не шляюсь. Мы с друзьями на пикник поехали...» «Странно, – географию я неплохо знаю, но что-то не припомню – это что за пик такой, в честь кого назван?» – перебил меня дотошный Мошка. «Да не пик, а пикник – мероприятие такое – выезд на природу с корзинкой еды». «Хорошее мероприятие», – одобрил Мошка. «Ну вот, мы поехали... Сначала всё хорошо было..., но потом мы поспорили с Метро Политеновичем (он из Оклендии приехал – по обмену) – поспорили мы с ним о судьбах женщин Востока. Я обиделась и убежала, куда глаза глядят». «Понятно, – сказал Мошка, – а почему такая тема странная? Для спора. Лучше бы обсудили проблему экологии – вырубку лесов и осушение болот...» «Вырубка лесов – это не мой профиль, этим другой факультет занимается, а у меня – ИНЖЕНЮ – Институт Женских Нюансов, я там учусь». «Надо же! А я думал, ты маленькая ещё, тебе лет двенадцать». «Правильно – двенадцать, только задом наперёд – двадцать один». «Вот всё у вас, городских, не по-людски, задом наперёд», – проворчал по привычке Мошка. «Так я, всё-таки, не понимаю, – продолжил, помолчав минутку, дед, – при чём здесь женщины Востока?» «Просто, это тема моей курсовой работы. По специальности». «И много ты написала уже?» «Пока только полстраницы. Хочешь, перескажу?» «Давай», – согласился Мошка.

«Женщины Востока! – начала я бодро, —

Я хочу быть восточной женщиной с раскосыми глазами и смелой походкой. Но это невозможно. Раскосые глаза не предполагают смелой походки. Женщина Востока закрепошена. К тому же, из-за раскосых глаз, она не может иметь широкий взгляд на мир. А когда она встречает на своём пути незнакомого человека, то от смущения закрывает лицо... юбкой. Я не могу быть восточной женщиной. У меня европейские черты лица, глаза-блюдца и неуклюжая походка. И моей юбки не хватит, чтобы закрыть даже пол лица», – тут я умолкла.

«Это всё?» – спросил Мошка. «Пока – да». «Ну, что ж, в целом, так сказать, отражает...».

«Тс-с-с-с-с! – приставила я палец к губам, – Ты ничего сейчас не слышал?» «Я носом шмыгнул. Два раза. А что?» Да нет, голоса ты не слышал? На том конце оврага».

Мы прислушались. Сначала, вроде, было тихо. «Люсь, а Люсь! – раздалось вдруг где-то недалеко от нас, – Люсь! Ты моего не видела?» «Нет, – отозвались из кустов, – левой погляди, может, там...».

«Фу-у-у, – у меня от сердца отлегло, – Не бойся, это соседки наши, Люся и Вера». «А что это они в такой час по оврагу рыщут – грибы, что ли, собирают?» «Ага, грибы, днём у них времени нету – работа, дом... А вечером выходят и собирают», – понесло меня. «А чегой-то они говорили – мой, твой... У них тут что – все грибы поделены – где чей?» «Что, неужели, так прямо и говорили? А-а-а, так это они их сами посадили, эти грибы. Соревнуются, чей больше вырастет, мой – твой, твой – мой. Для удобства. Не давать же каждому грибу своё имя, правда, ведь, ерунда какая-то? Гриб Вася, или там – гриб Иван Иванович. Как там ваш Вася поживает? – Растёт помаленьку, а ваш Иван Иванович? – Да что-то захирел совсем, наверное, поливали плохо...».

Тут, слава Богу, мы вышли прямёхонько к остановке, и мне не пришлось больше нести эту околесицу. «Фу-у-у, – отдуваюсь я, – ну, вот, осталось совсем немного – сейчас сядем на первый автобус, и он нас прямиком к дому доставит». Сели на лавочку, сидим. Мошка о чём-то своём думает, я ему не мешаю, – подустала уже трепаться незнамо о чём.

«На речке, на речке, на том бережо-очке!..», – послышалось вдруг откуда-то из темноты ненавязчивое пение. «Это ещё что за слуховые галлюцинации на ночь глядя?» – подумала я. Мошка на пение никак не отреагировал, сидел, уставившись на фонарный столб. «Мошка! Мошка! Ты ничего сейчас не слышал?» – спросила я на всякий случай, хотя ясно было, что даже если сейчас громыхнёт пушка, моему деду это до лампочки. «Не-а», – помедлив с полчасика, ответил Мошка. Между тем, пение повторилось и теперь уже не смолкало, становясь всё навязчивее.

«Салютик!» – радостно выпало что-то из кустов и приземлилось рядом со мной на скамеечку. Было оно в ватнике и вязаной шапочке петушком – это то, что с налёту удалось разглядеть.

«Салютик, – ответила я сдержанно в манере собеседника, – Мы знакомы?» «А что это за хмырь там, у столба, крутится? С тобой что ли?» – игнорируя мой вопрос, гнул свою линию ватник. Дед Мошка к тому времени, действительно, переместился поближе ко столбу, который его явно заинтересовал. Он приглядывался и принохивался к нему, а также пытался отколупнуть кусочек ногтем указательного пальца.

«Эй, приятель! Что, интересно?» – обратился ватник теперь уже к деду. «Безумно!» – лаконично ответил, не поворачивая головы, Мошка. Ватник немного выпрямился и развёл руками: «Ну-у-у!».

«Так Вы мой сосед! – дошло тут до меня, – Сосед по клетке! Васька! Да?» «Сосед. По самой, что ни на есть, клетке. Империалистической, свободуподавляющей, душераздирающей клетке!» – Васька совершил героическую попытку подняться во весь рост, этот вовесьрост у него не получился, и он снова рухнул на скамеечку. Та капризно вякнула. «А вот у нас в лесу полная свобода волеизъявления и никаких клеток», – возник тут ни с того ни с сего вездесущий Мошка. «Это кто же там такой умный выступает? – взъерепенился Васька, – Иди-ка поближе, я тебя разглядывать буду». «Тише, тише, – усадила я его на место, – не кричи, не порть мне отношения с начальством, это же мой руководитель диплома – профессор Владимир Околевич Чудиков. Мы тут беседовали на тему прямолинейности в жизни и в искусстве, и профессор использовал этот столб в качестве наглядного примера». «А-а-а, – понимающе закивал Васька, – ну, так бы сразу и сказала... Тс-с-с... Всё, нем, как рыба», – и он заткнул себе рот рукавом ватника. «Нет, я всё-таки, подойду к нему, ты шмотри, шео он жастыл, как бюшт поэта Ешенина в жадумчивой поже?» – не стерпев, прошамкал сквозь рукав ватника Васька, и направился нетвёрдой походкой в сторону Мошки. «Сто-о-о-ой! Сто-о-о-ой!» – попыталась я остановить его, но он стяхнул меня лёгким движением плеча и, пробубнив что-то типа «Ижвини», попёр на деда. «Ах так! – вскипело тут у меня повсюду, – Ну, Васька, ну, погоди! Вот я сейчас пойду и Люську позову! Даром она, что ли, часа два уже по оврагу тебя ищет? Ещё я его покрываю, а он деда моего достаёт! Охламон! Люсь! Люсь! Иди сюда, тут твой Васька

нарисовался!», – повернулась я в сторону оврага и стала звать. Тут краем уха слышу – автобус подошёл. Поворачиваюсь, а Васька моего деда хватить под мышку и в дверь автобуса с ним ныряет. «Я, – кричит, – твоего деда в заложники беру, очень он хорош как собу... собеседник, с ним мы легко третьего найдём».

У меня от такой наглости даже язык отнялся. И ноги. Рот у меня от удивления и возмущения стал открываться, а двери автобуса с той же скоростью – закрываться. И он медленно так тронулся и поехал. Неизвестно куда. Потому что автобус этот был не наш, и вообще на нём никаких надписей не было. И номера даже. «Мошка! Мошка! – только и успела я крикнуть второпях, – запомни адрес – улица Дружбы, дом номер три, квартира восемнадцать, спроси кого-нибудь, в этом доме ещё народный суд находится, в нём когда-то моя бабушка работала, народным заседателем, она справедливая была, и её за это очень любили все и даже отпускать не хотели, когда она увольняться решила, но она не могла иначе, потому что тогда дедушка заболел, и она в больницу санитаркой устроилась, да так там и осталась, а прабабушка у меня на конфетной фабрике работала, ей зарплату конфетами выдавали, у меня и сейчас вся комната обёртками от конфет обклеена вместо обоев, сам увидишь, как красиво...»

Автобус к тому времени уже скрылся за поворотом...

«Звала меня, что ли?» – услышала я тут люськин голос из кустов. «Теперь уже поздно. Васька твой на автобусе укатил. В неизвестном направлении». «То-то я смотрю издали – кто-то вроде него в автобус влезает. С кулём каким-то под мышкой. Обокрал, что ль, кого?» «Вот именно, обокрал. Меня. Деда моего украл, чтоб использовать его в своих подлых целях». «В каких целях-то?» – спрашивает Люська. «Поиск третьей составляющей смысла жизни», – говорю. «Да ну, что ты... Чтоб мой Васька... Да он к Кольке в Химки поехал, у того мама в Крым укатила. На месяц. Вот он там и ошивается. Поговорить-то им не с кем, вот деда твоего и прихватил для компании. Да ты не волнуйся, мы завтра туда поедим и заберём его...».

Автобус был почти пустой – поздний вечер, всё-таки. Васька плюхнул Мошку на сиденье и сам опустил рядом. Напротив сидели два подростка неопределённого возраста. Но нынешнее состояние васькиной души требовало определённости во всём. «Мужики! Вам сколько лет?» – рявкнул он без предисловий. «Че-четыренадцать...», – ответили они хором, слегка обомлев. «Обоим?» – не понял Васька. «Да, – пояснил тот, который опомнился первым, – Мы учимся в одном классе». «Слышь, дед, – обратился растерянный Васька к Мошке, – Ты видал такое? Один бугай, другой ему в сыновья годится, и оба в одном классе учатся. Дела...» «Ничего особенного, – отозвался Мошка откуда-то из-под лавки, – Может, один из них по два года в каждом классе проучился, а то и больше – такие случаи на каждом шагу бывают». «Ничего я не учился по два года, – обиделся бугай, – Просто я спортом занимаюсь, а брат мой – нет». «Так вы ещё и братья? – продолжал удивляться Васька, – Двоюродные, что ли?» «Да нет, почему – двоюродные, родные». «И папа у вас один?» «И папа и мама у нас общие. Я же вам говорю – я качаюсь, наращиваю массу». «А мне некогда массу наращивать, я стихи пишу», – вставил тут, наконец, словечко второй подросток. «Стихи? – уважительно произнёс Васька, – Об чём?» «О жизни, естественно. Вот недавно закончил поэму под названием «Нет выхода». Заострил, так сказать, вечную тему. Хотите, прочту?» «Валяй, читай», – разрешил Васька великодушно.

Тут автобус качнулся, бумкнулся обо что-то железное, захрустел и остановился. «Остановка следующая!» – объявила невидимая тётя холодным тоном. «Вы выходите?» – поинтересовался Васька у подростков. «Нет, нам до конечной». «Мы тоже не выходим. Хозяйка! Заводи свою колесницу, поехали дальше!» «Читай свою поэму, – встряхнул Василий брата-интеллектуала, вцепившись ему в лацкан пиджачка, – Даёшь пищу для ума и сердца!»

«Нет выхода!» – объявил тот и, привстав в трясущемся автобусе, попытался лихим движением закинуть правую полу пиджака за левое плечо. Эксперимент не удался, но это несколько не смутило автора.

«Нет выхода, выхода нет, – продекламировал он, —
Из двери метрополитена,
Прощайте родимые стены
И сытный горячий обед.
Нет выхода, выхода нет,
Земные создания тленны,
На берег Луары и Сены
Не выйдет уж больше поэт.
Нет выхода, выхода нет,
Душа моя – голая сцена,
Порывы её драгоценны,
Но снова не куплен билет.
Нет выхода, выхода нет
Из двери метрополитена,
Напрасно дымятся мартены,
Труда нам рисуя портрет...»

«А разве они дымятся? В них, м-м-м-м, насколько я знаю, огонь горит, а вот насчёт дыма...», – не выдержал тут скурпулёзный Мошка. «Нет дыма без огня, дедуля... Или огня без дыма... В общем, их нету друг без друга», – вступился сам за себя автор. «Огонь и дым отечества нам сладок и приятель», – поставил точку в этом философском споре Васька.

«Остановка следующая после следующей!», – объявила тётя уже совсем ледяным тоном. «Ой! Мы ж выходим! – толкнул Васька Мошку в плечо, – Спасибо вам, пацаны, за компанию! Особенно мне про душу там, у тебя в поэме, понравилось – душевный момент!» – проводил Васька разномастными подросткам и, сдёрнув Мошку со скамейки, выскочил вместе с ним в закрывающуюся дверь.

Там был город. Вдоль улицы стояли дома живописными стройными рядами. И каждый выделялся на фоне вечернего неба белым прямоугольником. «М-да-а-а-а, – многозначительно заметил Мошка, – Хотелось бы встретиться с отцом-основателем, так сказать, сесть, поговорить...». «Кто строил, что ли? Это невозможно, – ухмыльнулся Васька, – он на Канарах нынче отдыхает. Это такие острова, откуда канарейки к нам прилетают. Слышал, может?».

Разудалой походкой Васька устремился к одному из белых прямоугольников (можно было подумать, что наугад, но, видимо, он каким-то образом умел опознавать среди множества домов нужный ему. «По расположению небесных светил», – подняв палец кверху, высказал вслух свою догадку Мошка. Васька этого, к счастью, не услышал, так как уже яростно вломился в подъезд и, пританцовывая, поднимался по лестнице, напевая что-то бодрое и оптимистичное.

Мошка семенил следом. Перед одной из одинаковых коричневых коленкоровых дверей Васька резко затормозил, так что Мошка воткнулся носом в его широкую спину. Ударом ноги открыв дверь, Васька всыпался в маленькую прихожую, плавно переходящую в кухню. «Садись», – кивнул он головой в сторону единственной целой табуретки, и Мошке ничего не оставалось, как выполнить это указание. «Я сейчас», – буркнул Васька и исчез в коридоре. Послышался какой-то скрип, похоже, Василий начал доскональное обследование холодильника. Мошка устало моргнул своими маленькими глазками и, чтобы не заснуть, стал энергично оглядываться по сторонам, вертясь на табуретке, как на своём любимом пенёчке. Кухня была самая обычная – стол, плита, кран с водой, несколько горшков с цветами на подоконнике.

«Что же нам делать, Гимнокалициум Маркович?» – услышал вдруг лесовичок тихий шелест со стороны окна. «Я же просил Вас, Гортензия Львовна, не стоять так близко к краю, это очень опасно. Почему в этом доме никто ко мне не прислушивается? Мы и так очень рискуем, находясь здесь». «Да, это верно. Смотрите, Васька ещё одного привёл! Небось, уже приняли

на грудь, сейчас догоняться станут, пока Колька шляется неизвестно где». «Васька этот в прошлый раз до того допился, что Розочкиной чисто вымытой головкой занюхивал», – всхлипнул ещё кто-то в самом углу подоконника. «Скажите спасибо, что не закусил, Маргариточка Юрьевна. Вот мне хорошо, я всесторонне колючий, меня попробуй тронь! Занимаюсь самосовершенствованием – голодание, тренировки на выносливость. Давно вам говорю – вооружайтесь душой и телом, обеспечивайте себе тылы. Но ко мне здесь никто не прислушивается. Даже упражнений на равновесие, обычной зарядки никто не делает. Не говоря уже о закаливании. А ведь мы на самом сквозняке стоим, окон здесь не закрывают. Гортензия Львовна, голубушка, ну хоть не о себе, так о Розочке подумайте, какое у неё будущее? Прозябать здесь на холодном ветру? Ей ведь уход нужен, тепло». «Да, всё верно, но ведь и тепличным растением её воспитывать не хочется, пусть узнает жизнь со всеми её тяготами и проблемами». «И это говорит родная тётушка!» «Тс-с-с-с, сюда идут!»

На кухне появился Васька с початой бутылкой какого-то зелья в руках. «Ну что, за знакомство?» – сказал он, нетвёрдой походкой продвигаясь к столу. В это время с подоконника то ли сбитый неловкой рукой, то ли оттого, что стоял недостаточно надёжно, рухнул горшок с большим лопухом и разбился вдребезги. «Ой, ты, мать честная, – дёрнулся Васька, – Любимый лопух тёти Сони! И как же это я так, а? Вроде, аккуратно шёл, по струне. Я сейчас уберу, ты сиди», – и направился за веником куда-то вглубь коридора. «Семёныч пытался покончить с собой, Семёныч... – зашелестело вокруг, – Нервы не выдержали у старика...» Шум разрастался, накатывая сплошной волной. Мошка прижал уши к голове, а голову втянул в плечи, но это не помогло. Тогда он подпрыгнул несколько раз на своей табуретке, а потом сорвался и пулей вылетел на улицу. Некоторое время Мошка бежал, не разбирая дороги, через какие-то кусты и гаражи. И остановился только тогда, когда в поле его зрения возникло что-то более или менее знакомое по очертаниям – а было это не что иное, как гриб – не настоящий, естественно, а деревянный – грибок-зонтик над детской песочницей.

Мошка остановился и устало опустил на край песочницы, посидел так с минуту, покрехтывая и оглаживая бородёнку, да так и прилёг, засыпая на деревянном бортике. «Эй, дед! Ты чего тут разлётся?» «А? Что?» – не понял спросонья Мошка. Уже было светло – солнце светило вовсю. «Поднимайся, поднимайся, говорю! Тут нельзя спать, тут детское учреждение – сад».

Мошка принял сидячее положение и окончательно разлепил глазки – перед ним возвышался дядька весь в синем с круглым румяным лицом, на котором имелись усы. «Старший сержант Чарвоненко, – представился синий, – Позвольте ваши документы». Дед Мошка скукожился чуток, но не стал особо размышлять на тему – что это такое – документы, поскольку у него вообще ничего с собой не было. «Нет, значит, документов», – уточнил синий. «Получается, что так», – подтвердил Мошка. «Тогда пройдёте в отделение». Мошка покорно встал и поплёлся за синим.

В отделении завтракали и травили анекдоты, а также делились случаями, имевшими место быть в ночное дежурство. «Представляешь, – рассказывал один тощий парнишка другому, постарше и посолиднее, – вызвала меня одна бабулька, говорит, мол, сосед у неё жулик. Я спрашиваю – „Он, что, у вас украл что-нибудь?“ Она отвечает: „Нет, он не у меня, у государства украл. Он по ночам с сахарозавода сахар ворует“. Я говорю: „Вы его что, застукали за этим занятием, что ли? Откуда знаете?“ А она: „Разрешите показать Вам всё с наблюдательного поста“. Ладно, вышли мы на балкон, – а балкон этого соседа рядом, через стенку. Вдруг, вижу, с него взлетает туча. Приглядываюсь, а это не туча, это целый рой пчёл. „Видите, – бабка говорит, – на сахарозавод полетели. И так каждую ночь. А потом сахар в мёд перегоняют – и всё шито-крыто. Представляете, сколько он убытков заводу нанёс за год?“ Что мне было делать? Не арестовывать же пчёл! Сделал им на первый раз строгое предупреждение».

«Эй, Чарвоненко, кто это с тобой? – всполошились тут все, как только Мошка с милиционером появились на пороге, – Опять бомжуют на твоём участке?» Кое-кто поднялся, чтобы подойти поближе и рассмотреть чудного деда. Тот наивно улыбался и подмаргивал рыжими глазами. «Ой, новенький! – послышалось вдруг из левого угла визгливое женское хихиканье, – Да какой милашка! Волосы до попы, что, архиерей, что ли, какой?» Мошка повернулся в ту сторону, откуда неслись реплики, и увидел железную клетку, а в ней трёх девиц с ярко раскрашенными лицами. И очень весёлых. «Странные порядки в городе, – поразился Мошка, – цветы в доме в горшках растут, кикиморы вместо того, чтоб в болоте нежиться, в клетке томятся...» «Э! Э! Дед! Какие такие кикиморы? Это кто здесь кикимора?» – взвилась одна из обитательниц клетки. «Ты тут не выражайся, – вмешался Чарвоненко, – Не в лесу, всё ж таки, находишься. Садись на табурет. Будем протокол составлять». Мошка покорно опустился на табурет напротив стола, за которым восседал синий.

– Фамилия, имя, отчество.

– Что? – не понял Мошка.

– Зовут как? – уточнил Чарвоненко.

– А-а-а... Мошка... То есть, Тимофей.

– Работаем кем?

– Так лесовиком, стало быть, работаем. Соблюдаем, так сказать, порядок и всякое такое.

– Лесничий, значит.

– Ну, лесовик я, то есть, хозяин леса...

– Что делаем в городе?

– Так ведь кикимора-то... Послала кикимора-то за сахаром.

– Это что? Я же просил – не выражаться. Вы о ком? Жена, что ль, ваша?

– Подруга, стало быть.

– Ясно. Гражданский брак.

– Как Вы говорите?

– Слушай, дед, а что у тебя волосы такие длинные? Ты что, хиппи, что ли?

– Волосы? Так ить растут. А когда живёшь в лесу...

– Значит, всё-таки, БОМЖ!

– ...да ещё сидишь весь день на пеньке... – продолжал Мошка.

– Вдобавок, ещё и наркоман! Нет, вы послушайте! – восторгался Чарвоненко, – Коноплю знаю, мак тоже, но вот чтоб сидеть на пеньке! Это что-то новенькое!

– ...волосяной покров необходим, – закончил свою мысль лесовичок.

– Для чего?

– Для тепла, знамо дело.

– Вот с этого всё и начинается, вся преступная деятельность – накурятся, нанюхаются пеньки разной да конопли и начинают совершать противоправные действия, – констатировал Чарвоненко, – Прочитайте протокол и распишитесь!

– Что будем делать с ним? – кивнул тощий в сторону деда.

«Давайте его к нам, мальчики? – завыли девицы из клетки, – Уж мы его приголубим». «Я что, по вашему, сатрап какой, изверг роду человеческого? Да я бы вам и пса бездомного, не то, что человека, не доверил. Дадим ему статус беженца и пусть себе катится на все четыре стороны». «А-а-а... нельзя мне вместо этого статуса взять сахару, ну, того, что кикимора моя просила... а?», – скромно поинтересовался Мошка. «Ишь ты, какой ушлый дед попался. Ему статус беженца дают, а он ломается! У нас тут люди годами ждут такой манны небесной! Томятся в застенках, понимаешь!» – разъярился неожиданно тощий, схватил Мошку за шиворот костлявой рукой и вышвырнул его вон.

Мошка летел. Летел по небу. Летел быстро, но с оглядкой, успевая увернуться от встречаемых самолётов и птиц.

А внизу развернулась Земля со всею своей сказочной красотой! Какая она была хорошенькая в этот утренний час! «Как ребёночек!» – подумал Мошка. На этой мысли он стал вдруг резко терять высоту и снижаться над лесом. Снижался, снижался и... шлёпнулся... прямо в болото.

«Ой, что это?» – высунулась тут из тины сонная ничего не понимающая кикимора. «Кикимора! Родная! – завопил дед Мошка как ненормальный, – Ты ж моя красавица! Самая кикимористая из всех кикимор! Я тебя обожаю!»

«Я люблю тебя, как Солнце любит Землю и цветы!» – заголосил Мошка утренним петухом и стиснул кикимору своими мохнатыми лапами так, что у неё всё забулькало внутри.

«Видать, права была моя бабушка, – только и проскрипела она, – Стоит мужика послать... куда-нибудь, как он тут же вспоминает, как сильно он тебя любит». «Ой! – хлопнул себя по лбу Мошка и выпустил при этом кикимору из объятий, – Я ж тебе сахару-то не принёс!» «Больно он мне нужен, твой сахар. Он, вообще, говорят, вреден для здоровья кикимор». «Да? А я думал, тебе сахару не хватает для счастья». «Ох, и странный вы народ, мужики! Внимания мне не хватает, внимания! И любви!» «А разве я не...», – начал было Мошка. «Да, – согласилась кикимора, – да. Но ты сказал мне об этом сегодня впервые за триста лет».

СКАЗКИ ПРО ВЕДЬМУ ЛИЗУ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Господин N из города N стоял на станции N в ожидании поезда, следующего из пункта А в пункт Б. Он тосковал и думал о том, как легко его жена изменила ему с его лучшим другом. Думая так, он всё ближе и ближе подходил к краю платформы.

Жизнерадостный усатый машинист остановил поезд на станции, предшествующей той, на которой ждал его господин N. Он не торопился и, на сей раз, не зря.

Ведьма Лиза, слегка прихрамывая то на левую, то на правую ногу, подбежала к открытым дверям вагона и с трудом протиснулась вовнутрь. С большим трудом!

Толпа, как пружина, попыталась вытолкнуть её обратно наружу, но тут двери вагона закрылись, и поезд тронулся.

Ведьма Лиза поправила платок у себя на голове, при этом на мизинце её левой руки сверкнуло маленькое серебристое колечко в форме змейки. «Пройду-ка я в серёдку», – сказала она вслух как бы самой себе, при этом поезд слегка дрогнул и покачнулся на полном ходу, а пассажиры машинально схватились за поручни, создав таким образом проход к центру вагона.

Лиза стала энергично пробираться сквозь толпу, таща за собой плетёную авоську, набитую бог знает чем. Наконец, она угнездилась между двумя полными дамами. В кошёлке одной из дам сидело некое существо, волосатая круглая морда которого торчала наружу. Существо это при ближайшем рассмотрении оказалось всего лишь собакой. Сзади на Лизу напирали несколько молодых людей, увлечённо и громко обсуждавших последствия вчерашней пирушки. «Ну и молодёжь нынче!» – проворчала себе под нос Лиза.

Господин N высунулся за край платформы и вытянул шею, вглядываясь вдаль. Но поезда всё ещё не было видно. В воздухе висела лишь почти неуловимая вибрация, предвещавшая скорое его прибытие.

Машинист лихо подкрутил усы и улыбнулся, представив, как, отъезжая от следующей станции, подмигнёт какой-нибудь красотке из провожающих.

«Апчхи!» – чихнула ведьма Лиза. Поезд опять тряхнуло. Теперь чуть сильнее, чем в первый раз.

Пассажиры удивлённо переглянулись и уже не переставали держаться за поручни.

«Палёным пахнет, – пробормотала Лиза, слегка поведя носом, – и что им неймётся?»

«А у тебя шалик больсе», – пропищал тут кто-то снизу, с сидячих мест. Лиза огляделась. Сзади, на лавочке, сидели два ребёнка-близнеца лет трёх и держали в руках одинаковые воздушные шарик. На головах у близнецов были совершенно разные, но оба ужасно нелепые вязаные чепчики. Всё остальное у них было одинаковое – лица, одежда, даже, как уже было сказано, воздушные шарик, которые они активно теребили и мучили.

Чепчики были разные вовсе не для того, чтобы мамаша могла по ним отличить своих чад друг от друга (ибо матери и так легко с этим справляются). Дело было в уникальности чепцов, поскольку повторить подобный шедевр вряд ли под силу нормальному здравомыслящему человеку.

«Так-так, – эти, значит, одинаковые, а с чепцами не вышло», – пробубнила Лиза себе под нос.

«Трах!» – раздался ужасающий хлопок. У одного из близнецов лопнул в руках шарик.

Господин N ещё раз выглянул за край платформы и увидел вдали крошечную точку – приближающийся поезд. «Ну вот и всё», – сказал он равнодушно неизвестно кому.

Машинист продолжал грезить о стройных белокурых девицах, машущих белыми шёлковыми платочками вслед отъезжающему поезду.

Близнец – обладатель лопнувшего шарика – на минуту перестал дышать и изумлённо смотрел на свисавшую с его ладони рваную тряпочку. Потом он очнулся и разразился горькими-прегорькими рыданиями, роняя крупные, величиною с грецкий орех, слёзы!

Второй близнец, чей шарик остался цел, посмотрел на брата и, видимо, из солидарности, тоже расплакался. Это обстоятельство так удивило первого, что тот мгновенно замолчал, а слёзы на его щеках моментально высохли.

И тут собака, до этого спокойно сидевшая в сумке одной из двух полных дам, издала некое подобие лая! Похожее больше на чириканье воробья. Все пассажиры одновременно замолчали. Даже молодые люди, до этого оживлённо болтавшие между собой, на минуту приотмолкли, слушая, как собака вдохновенно выводит свою трель.

Господин N, увидев, что поезд приближается, примерился.

Сказав: «Будь что будет!» – он набрал в грудь побольше воздуха и приготовился спрыгнуть вниз на рельсы.

Машинист поезда к тому времени довольно далеко зашёл в своих грёзах о блондинках.

«Ну всё, хватит, стой!» – воскликнула ведьма Лиза и топнула ногой, весьма возможно, отдавив кому-то пальцы ног или пятки, ненадёжно упрятанные в башмаки.

Машинист, движимый необъяснимым порывом, резко нажал на тормоз.

Поезд сильно тряхнуло. Сначала вперёд, а потом чуть слабее – назад. Наконец, он остановился.

Пассажиры посыпались друг на друга, как спелые сливы с дерева.

«Да что же это? – вполголоса испуганно переговаривались они, – Это ведь уже в третий раз».

В мире повисла пауза.

«Да что это я? – подумал господин N, выдохнув из лёгких воздух, – что это я, в самом деле? У меня-то ведь тоже есть любовница и, притом, уже очень давно. Пойду-ка я домой», – и отошёл от края платформы, теперь уже окончательно. Спустившись вниз по лестнице, он пошёл, насвистывая, в сторону домов, белевших на горизонте.

«Да что это я? – подумал машинист, – с чего это я затормозил вдруг?»

«Уважаемые пассажиры! – объявил он по радио, – Прошу прощения за доставленные неудобства, сейчас поезд будет отправлен».

И поезд тронулся!

«Ну, наконец-то! – проворчала ведьма Лиза, – А то так никогда никуда не доберёшься! Впору приводить в порядок свою старую метлу!»

Тут злополучный поезд наконец подъехал к станции, его ещё раз напоследок тряхнуло, и он остановился. Двери вагонов открылись, и все пассажиры, облегчённо вздохнув, поспешили вырваться на свободу.

Ведьма Лиза вышла вместе со всеми, прошла, прихрамывая то на правую, то на левую ногу, вдоль всего состава и внезапно элегантно растаяла в воздухе, успев игриво подмигнуть машинисту, которому она показалась шикарной длинноногой блондинкой.

После исчезновения Лизы ещё какое-то время слышалось её добродушное ворчание: «Да что это я, в самом деле? И с каких это пор я взялась помогать людям?»

СЕРЁГИНА ЛЮБОВЬ

Серёга работал в мастерской по ремонту всякой всячины. Ловким движением руки он мог превратить сломанный зонтик в набор вязальных спиц, а старую кожаную куртку – в одиннадцать с половиной кожаных ремней. В общем, Серега был типичный «мастер на все руки».

Мастерская по ремонту всякой всячины состояла из двух смежных комнат. В одной из них находились швейная машинка и паяльник. Ими заведовал сам Серега. А вот в другой стоял новый копировальный аппарат, с которым управлялся некто Михалыч – высоченный грузный детина неопределённого возраста, голосом зычный и слухом чуткий.

Поскольку Серега обитал в ближайшей ко входу в мастерскую комнате, то и посетителем принимать выпало именно ему. В это время Михалыч блаженно спал и видел сны, выводя носом замысловатые трели в комнате по соседству. Но... стоило прийти человеку, желавшему сделать копию какой-нибудь очень важной (или совсем не важной) бумаги, как Серёга произносил вполголоса заветное «Ми-ха-лыч», и тот вырастал как из-под земли, без малейших признаков заспанности на лице, словно и не думал отвлекаться от дела всей своей жизни, а караулил под дверью, прислушиваясь к любому шороху и скрипу.

Делом всей жизни для Михалыча было ксерокопирование. И неспроста. Именно на этом незамысловатом процессе держался весь их с Серёгой совместный бизнес. Ибо...

Ибо, не будь у них копировального аппарата, они бы давно уже прогорели.

Посудите сами. Не так уж много найдется на свете желающих переделать свои зонтики в вязальные спицы, а если таковые и найдутся, то, скорее всего, это седовласые пенсионерки, с которых взять за это деньги не придет в голову даже самому алчному человеку.

Я не говорю уже о кожаных ремнях, получившихся из кожаных курток, ведь, скорее всего, это причуда одиноких женщин с малолетними детьми, пожелавших таким образом хоть как-то отомстить бросившему их супругу.

Неудивительно поэтому, что Серёга, несмотря на свой далеко не юный возраст, все ещё не был женат. Он не удостоился внимания ни одной из представительниц прекрасной половины человечества. А сам он был слишком застенчив, чтобы решиться завязать знакомство.

Но! Однажды произошло чудо...!

...Случилось так, что у ведьмы Лизы сломался её любимый сиреневый в чёрных пауках зонтик. Лиза, хоть и была волшебница со стажем, но такими мелочами, как починка зонта, не занималась. Поэтому, она отнесла его в мастерскую.

«Зонт расцветкою сиреневый в чёрный паук, – заполнял бланк заказа Серёга, – ремонт и замена некоторых деталей».

«Сколько будет стоить?» -поинтересовалась равнодушно Лиза. Равнодушно, ибо она, как никто другой, знала, что деньги – это самое меньшее, чем можно отблагодарить человека.

«Стоить?» – Серёга поднял на неё рассеянный взгляд, и очки его сползли вниз, к кончику носа, от удивления.

Соглашусь, вид у старушки был далеко не парадный по нашим, весьма скудным людским понятиям. Она была закутана в свой любимый старый клетчатый плед, а чтобы он не упал, – обвязана нитями дождика – не того, которым украшают новогоднюю ёлку, а самого настоящего осеннего дождя.

Если подойти к делу формально, вид у неё был плачевный, как у мокрой курицы...

«Нисколько не будет стоить», – ответил на её вопрос, краснея, Серёга и отвёл взгляд. «Бедная женщина! Ей совсем нечего надеть! А ведь зима уже не за горами! Надо посмотреть на нашем складе материалов – может, выйдет из чего-нибудь сшить ей пальто?»

«Ах вот оно что – нисколько? – едва заметно улыбнулась ведьма Лиза, – Спасибо, сынок. Что ж, я обязательно найду, чем тебя отблагодарить», – при этом она слегка покачала головой из стороны в сторону.

В этот самый момент дверь мастерской открылась, и вошла Катя.

Вошла Катя – невысокая хрупкая девушка с короткой мальчишеской стрижкой. Тёмно-каштановые волосы и тёплый взгляд больших карих глаз. Серёга остолбенел.

«Так когда мне прийти за зонтиком?» – проверила его реакцию Лиза. Ответа не последовало.

«Отлично. До скорой встречи», – и она аккуратно вышла сквозь плотно закрытую дверь.

А Михалыч, как всегда, проспал всё самое интересное.

Но, поняв, что без напарника дело у Серёги не сдвинется с мёртвой точки, Лиза внезапно вернулась, пробормотав: «Ладно, разбужу Михалыча, а то тебе, милоч, я вижу, самому с ситуацией не справиться.» Она тихонько хлопнула в ладоши и снова вышла сквозь закрытую дверь, теперь уже окончательно.

«Звал меня?» – зевая и потягиваясь на ходу, спросил сонный Михалыч, выплывая из соседней комнаты. Серёга всё ещё стоял, как вкопанный, и смотрел на девушку, восхищённо блестя очками.

«Вам чего?» – спросил тогда Михалыч у Кати без церемоний. Она очнулась, порылась в сумочке и молча протянула ему паспорт. «Ксерокопию?» Она кивнула. «В одном экземпляре?» «Она кивнула снова.

«Щас сделаем!» – и Михалыч удалился бодрой походкой.

Прошла целая вечность (минуты две, не меньше!), а они всё стояли и смотрели друг на друга, не отрывая взглядов...

Потом совсем некстати вернулся Михалыч, девушка расплатилась за ксерокопию и ушла.

«Симпатичная девчонка», – произнес Михалыч, не особенно надеясь хоть на какую-то реакцию своего приятеля. «А?» – очнулся вдруг Серёга. «Я говорю – симпатичная девушка! Только вот замужем она».

«Откуда ты знаешь?» – окончательно пришел в себя Серёга. «Так я ж ей ксерокопию паспорта только что делал!» «А...» «Да ты не расстраивайся! Вы бы всё равно друг другу не подошли, это же всем ясно!»

«Почему?»

«По чему, по чему... По гороскопу!» – ответил Михалыч, заржал неистово и удалился обратно в свою комнату спать.

Дни осенние текли медленно, как мёд. Посетителей в мастерской было мало. Заглянул как-то один унылый парнишка, который сломал любимую отцовскую зажигалку в форме совы. Серёга порылся в своих запасах невиданных предметов и в итоге приделал к телу совы найденный где-то в самом дальнем ящике набалдашник от трости в виде головы орла.

Потом ещё как-то заходила одна высокая стройная блондинка с ребёнком под мышкой. Он орал и брыкался, потому что запутался в собственной куртке и не мог из неё выбраться. Серёга ребёнка выпутал, а куртку взял в ремонт.

Прошло ещё какое-то время. И вот однажды Серёга, всё ещё ремонтируя трудно поддающийся починке зонтик ведьмы Лизы, вдруг почувствовал явственный укол в сердце. Он вскочил со стула и приложил руку к груди. В таком растерянном виде он и предстал перед вошедшей Катей.

«Ми-ха-лыч!» – прошептал Серёга из последних сил, почти теряя сознание.

Михалыч не замедлил примчаться на помощь погибающему другу, и вырос перед посетительницей во всей своей красе, сияя глянцевою красной физиономией, как мухомор после дождя.

«Что Вам угодно, сударыня?» – заговорил он внезапно высокопарным старинным штилем, чему сам, кстати, несказанно удивился. Девушка молча протянула ему листки бумаги.

Михалыч их взял, кивнул и медленно картинно удалился.

Серёга к тому времени уже отполз на ватных негнущихся ногах вглубь комнаты и спрятался за швейной машинкой. Катя присела в кресло, стоявшее в коридоре, и то и дело бросала обжигающие взгляды в сторону Серёги. А он, в свою очередь, в отчаянии пытаясь прошить зонт ведьмы Лизы насквозь вместе с железными спицами, поблёскивал в сторону Кати своими огромными очками.

«Вот, пожалуйста, всё готово,» – вернулся, как всегда некстати, Михалыч.

Катя, как и в прошлый раз, молча расплатилась и вышла.

«А ты знаешь, по-моему, ты ей нравишься! – вынес внезапный вердикт Михалыч, – И это всем здесь ясно!»

«М-да-а-а, – продолжил Михалыч немного погодя, так как из угла, где стояла швейная машинка, раздался только какой-то сдавленный стон, – слушай, а ты не знаешь, что бы это могло значить? Никак не могу понять», – и он взмахнул в воздухе парой листков бумаги.

«А что это?» – отозвался вяло Серёга из угла.

Михалыч подошёл к нему вплотную и сунул листки прямо под нос: «Вот и я говорю – что это? Это та девушка копировала». На листке были изображены кисти рук, пальцы которых каждый раз были сложены по-разному. «Абракадабра какая-то». «Это азбука глухих,» – сказал, немного подумав и поизучав листки, Серёга. А ты что, отдал ей не все копии?» «Да нет, сделал себе экземплярчик. Так, из чистого любопытства. А откуда ты знаешь, что есть такая азбука?» «Тут в нижнем левом углу мелким шрифтом подписано.» – сказал Серёга и ткнул пальцем для убедительности. Михалыч посмотрел туда, куда показал Серёга, и прочел: «Пальцевая азбука».

«Глухая, значит!» – огорчился он. «Ну, ты, Серёга, этого... того... не расстраивайся уж очень! Выучишь эту самую азбуку! На вот, держи!» – и положил перед Серёгой листки. «Хотя, о чём это я, она ж всё равно замужем,» – с этими словами Михалыч скорбно удалился к себе в комнату, так и не дождавшись ответа.

Прошло ещё несколько дней. А, может, месяцев. Да, месяцев. Потому что прошла осень. Прошла вслед за ней и зима.

Серёга грустил. Изучал листки с азбукой глухих и даже составил пару фраз, чтобы при случае было с чего начать беседу с покорившей его сердце девушкой. Но... хрупкая незнакомка с печальным взглядом больше не приходила. Да и вообще мало кто приходил в ту пору в мастерскую. Жизнь как-то замерла.

Серёга уже давно починил сиреневый в пауках зонтик, но хозяйка всё не являлась за ним.

«Почему же она так долго не приходит?» – подумал вслух Серёга не то о хозяйке зонтика, не то о девушке Кате. Скорее всего, о той и другой одновременно.

«Ах ты, батюшки!» – всплеснула руками ведьма Лиза и на секунду перестала помешивать в чашке свой утренний напиток из дурмана и волчьих ягод. «Про зонтик-то я и забыла совсем! Надо бы сходить забрать».

Ясным весенним днем дверь в мастерскую открылась...

То есть, нет! Это Серёге так показалось. На самом деле, ведьма Лиза, как мы знаем, всегда входила и выходила сквозь закрытые двери.

Так вот... Дверь в мастерскую НЕ открылась, и вошла ослепительно одетая дама.

Она была задрапирована в леопардовые шкуры, а на голове её красовался кокошник из настоящих звёзд. Это-то и придавало ей ослепительности. Во всяком случае, Серёга сразу закрыл лицо руками, чуть не ослепнув от яркого света.

«Со звёздами я, пожалуй, переборщила, – подумала Лиза, а вслух сказала, – Я пришла забрать свой зонтик.»

Сказала она это, тщательно подбирая слова и, почему-то, с лёгким прибалтийским акцентом.

«Ничего себе прибрахлалилась тетка!» – подумал Михалыч, который подглядывал за происходящим в щёлку приоткрытой двери, предварительно нацепив тёмные солнцезащитные очки.

Серёга, между тем, наощупь нашел зонтик и протянул его даме.» Но, всё равно, денег за ремонт не надо», – сказал он.

«Какие уж тут деньги, – пробормотала Лиза уже без всякого акцента, – когда тут совершенно другое и гораздо более важное!» И с этими словами она удалилась, слегка махнув рукой на прощание.

Внезапно Серёгу охватила невероятная и внешне ничем не объяснимая дрожь. Он почувствовал, что что-то очень важное и весьма волшебное должно произойти здесь и сейчас.

И не успел он это понять, как дверь отворилась, и вошла Катя.

Она была по-весеннему свежая и ещё более прекрасная, чем прежде. На лице её сияла улыбка.

Катя подошла к Серёге, достала из сумочки паспорт и протянула ему. «Ми-ха-лыч», – выдавил из себя еле слышно Серёга, взял паспорт и, не глядя, отвёл руку в сторону, так что высунувшийся из соседней комнаты Михалыч еле поймал паспорт на лету, выпадающим из серёгиной ладони.

Серёга было собрался с духом, чтобы, наконец, завязать разговор, но не успел ничего предпринять – ему помешала вошедшая в эту минуту блондинка с малышом под мышкой, которая пришла в очередной раз забрать из ремонта куртку. Серёга молча достал куртку и отдал её блондинке, глядя при этом всё время на Катю.

«Ой, ну надо же! – зачирикала блондинка, – какой хороший дядя! Правда, Никита? Как он быстро нам всегда чинит курточку!»

«Мама, а почему ты сама не чинишь?» – задал резонный вопрос карапуз.

«Мама не умеет. Зато дядя умеет. Как хорошо, что у нас с тобой есть такой дядя!»

«У нас с тобой? – внутренне возмутилась Катя, – Это что же такое значит? А он, почему он-то молчит?»

«Спасибо Вам большое! – не унималась блондинка, – Вы просто волшебник! Вот такого бы нам папу! Правда, Никитушка?»

Тут Катя вся закипела изнутри, вскочила и выбежала из мастерской.

«Эй, постойте! А паспорт! – только и успел прокричать ей вдогонку вышедший в этот момент из соседней комнаты Михалыч, – Тьфу ты, да она ж не слышит всё равно.»

«Слушай, а она развелась с мужем. У неё тут штамп о разводе стоит. Да ты очнёшься или нет?» – обратился он к Серёге.

«Так, девушка, у нас технический перерыв! До свидания!» – выпроводил он удивленно хлопающую длинными накладными ресницами блондинку.

«Серёга! Очнись, Серёга! – тряс он минуту спустя серёгино плечо, – Ну, не стой ты как истукан!»

«Что же мне делать?» – прошелестел в ответ Серёга.

«Как – что? Догони ее. Паспорт надо отдать... И вообще...»

«Вообще?» – эхом повторил Серёга.

«Послушай, хватит чахнуть! Догони её! Вы же созданы друг для друга! Это ясно здесь всем!»

Эти слова подействовали, наконец-то, на Серёгу, и он пулей вылетел на улицу.

«А паспорт-то, паспорт! – провопил вслед Михалыч, – А, ладно,» – махнул он рукой, – всё равно вернется. Это всем здесь ясно.»

Через некоторое время они втроем (Серёга, Катя и Михалыч) уже сидели в мастерской и пили чай с мятными пряниками.

«Ой, ну смех да и только! – вспоминала Катя, – подбежал ко мне, как угорелый, начал гримасничать, руками махать! И с чего ты взял, что я глухая, да ещё и немая?»

«Ну, ты ведь при мне ни разу не говорила ничего.»

«Ты при мне тоже», – рассмеялась она.

«И потом, листки эти...» – оправдывался Серёга.

«А, ну да, пальцевая азбука... Это я не для себя. Для подруги. У неё ребенок глухой, вот она и решила выучить. А я часто хожу мимо вашей мастерской, поэтому она меня попросила зайти, сделать копию.»

«А насчет мужа... Мы с ним уже два года вместе не живем, просто времени всё не было официально развестись.»

«Повода не было! – встрял в разговор довольный Михалыч, – И это всем здесь сразу было ясно!»

«Кому это всем здесь всегда и всё ясно? А, Михалыч?! – поинтересовался Серёга, – Мы же тут с тобой всего лишь вдвоём работаем.»

«Ну-у-у, мы вот тут с тобой вдвоём работаем, работаем... И поэтому всем ясно!» – выкрутился Михалыч.

«Вот нахал! – возмутилась ведьма Лиза, которая в это время пила у себя дома свой утренний отвар из дурмана и волчьих ягод, – Оказывается, это из-за них всем ясно! А я, значит, ни при чём! Интересно, а кто же это вам сегодня всё утро тучи зонтиком разгонял?»

Ром Флоран или Сон с продолжением

Таня спала. Ей снилось, что она летает в ясном голубом небе над прекрасным цветущим лугом. Вернее, не просто летает, а учит летать какого-то незнакомого симпатичного юношу. «Вот, посмотри, – увлеченно объясняет ему Таня, – нужно сконцентрироваться, высоко-высоко подпрыгнуть вверх и слегка там зависнуть. А потом начать сильно-сильно махать руками, как крыльями. Главное – правильно набрать высоту, а дальше всё просто – пари себе в своё удовольствие среди облаков – как птица! Хотя, конечно, нужно рассчитывать свои силы и не подниматься слишком высоко. А то – вдруг внезапно устанешь и свалишься вниз на кого-нибудь, как снег на голову? Неудобно как-то». «Людей послушать – так у них всё просто! А ты сиди тут, волнуйся!» – проворчала ведьма Лиза, которая частенько заходила в сны к тем, кто любит полетать, и страховала отчаянных любителей неба от падений. «Ну всё, хватит, пора и честь знать!» – заявила Лиза решительно. В этот момент в спальне у Тани зазвенел будильник, и девушка проснулась. Ей нужно было идти на работу. Работала Таня в издательстве. Помощником главного художника, вместе с которым они оформляли детские книжки. Таня очень любила детей и хорошо их понимала. И рисовала для них замечательные картинки. Вот только своих детей у Тани не было. Пока. И она по этому поводу часто грустила. Ну, что поделаешь, не встретила Таня ещё до сих пор своего суженого. Так бывает.

По дороге на работу Тане вспомнился сон и тот незнакомый юноша, которого она учила летать. «Интересно, научился он, в итоге, или нет? Сон прервался так внезапно!» Юноша Тане очень понравился, она бы хотела встретить такого наяву, но сознавала, что он только плод её воображения. И, всё же, ей хотелось верить, что их встреча возможна. «Знать бы, хотя бы, как его зовут? – продолжала она мечтать, – У него должно быть очень красивое имя!»

«Извините, девушка, не подскажете, как пройти на почту?» – прервала её грезы какая-то странно одетая старушка. Конечно, это была ведьма Лиза в одном из своих многочисленных экстравагантных нарядов. А именно – в костюме Ветра, поскольку он был соткан из обрывков облаков и прошит солнечными лучами и нитями грибного дождика. А, главное, весь этот наряд так колыхался и трепетал, что старушка совершенно не могла стоять спокойно – её так кружило и вертело из стороны в сторону, что невозможно было отвечать ей, стоя на одном месте. «Пойдёте до перекрёстка, а там направо, и через два дома будет почта», – ответила Таня на вопрос ведьмы Лизы, кружась ей в такт, насколько это было возможно в данной ситуации. «Спасибо, деточка, – сказала Лиза, – а то мне посылочка пришла, лежит уже три дня, а я её всё никак не заберу». «Не за что, бабушка!» – и Таня побежала дальше, поскольку спешила на работу.

День прошел как обычно. Кроме того, что Таню по-прежнему занимал образ юноши из сна. Она всё гадала – как его могут звать, и существует ли он в реальности? Таня возвращалась домой после работы другой дорогой. Ей никогда не нравилось ходить одинаковыми путями, – это, ведь, так неинтересно и банально! «Вот что за народ такой! – ворчала в это время ведьма Лиза, которой пришлось порядком побегать, чтобы снова попасться Тане навстречу, – Ну, почему бы ей не пойти тем же путём, что и утром? А старому человеку бегай по всему городу с посылкой в руках! Надо было сказать, хотя бы, что это маленькая бандеролька... Ой, здравствуй, доченька! Опять мы встретились!» – моментально вошла в образ доброй старицы Лиза, наткнувшись в эту минуту якобы случайно на Таню. «Здравствуйте, я вижу – почту Вы нашли», – кивнула Таня на довольно большой ящик, который держала в руках Лиза. «Да, спасибо тебе за помощь. Сестра из деревни прислала – тут травки разные – она собирает и сушит, а потом всей родне городской шлёт – в чай добавишь – совсем другое дело – и душистый, и вкусный... И сон от него крепче. Вот, возьми немного, попробуешь сама, а то, я вижу – у тебя бессонница – частый гость». И, достав из ящика небольшой пакетик, протянула его Тане. «Спасибо, – поблагодарила её Таня, – ой, что же это получается, Вы почту целый день

искали, что ли? Она же была совсем ря...» – но старушки уже и след простыл. Таня раскрыла пакетик и понюхала содержимое. Ничего особенного – разнотравье всякое, и пахнет вкусно. В последнее время Таня, и правда, плохо спала – всё вертелась в постели, думала, мечтала. Иногда до самого рассвета. А только заснет – уже вставать на работу. Не жизнь, а сплошная бессонница. Поэтому, вечером она добавила в чай травы из пакетика, что подарила ей старушка. «Вдруг, действительно, засну крепче? – подумала, – Хуже-то, всё равно, не будет». Она заварила чай с травами, налила в свою любимую чашку с изображением жёлтой кошки этот напиток и сделала несколько глотков. Ничего особенного с ней не произошло, но через какое-то время её, действительно, начало клонить в сон, она пошла в спальню, легла на кровать и уснула. Будильник она заводить не стала, потому что завтра был выходной день, и на работу идти было не надо. «Тем более, посплю подольше, – напоследок подумала Таня, – и не опоздаю никуда, если что...»

«Если что? – спросила строго Лиза, которая уже возникла перед Таней в её начинавшемся сновидении, – ты что, в летаргический сон собралась впасть?» «Ой, бабушка, это опять Вы? Ну, надо же!» – удивилась Таня. «Насколько я помню, тебя интересовали другие вопросы, – прервала её лепет Лиза, – и я пришла тебе помочь найти на них ответы. Времени у нас в обрез! Так что никаких спать – быстро собирайся – и в путь!» «Как это – собирайся? – не поняла Таня, – А что нужно с собой брать?» Она, кажется, уже начала догадываться, какие вопросы ей может помочь разрешить эта таинственная старушка. «Ничего с собой брать не надо, – всплеснула руками от такой таниной непонятливости Лиза, – с мыслями собирайся, с мыслями! И поскорее». «Я готова, – помолчав с минуту, сказала Таня вполне уверенно, – а куда мы пойдём?» «Об этом после. Сейчас слушай инструкции – главное – держи меня всегда в поле зрения и ни на что не отвлекайся, когда мы выйдем. А то обратно можно и не вернуться». «Откуда выйдем? – опять не поняла Таня, – из дома?» «Не откуда, а куда! В астрал, милая, в астрал! Бери меня за руку, закрой глаза и сосредоточься, – то есть, постарайся ни о чём не думать». «Как это – ни о чём не думать?» – подумала Таня, послушно закрывая глаза и беря ведьму Лизу за руку. Ведьма Лиза ещё что-то бормотала, но голос её становился всё более далёким и расплывчатым.

Внезапно оказалось, что они – Таня и Лиза – плывут в лодке по какому-то каналу вроде тех, что можно увидеть в Венеции. «А глаза открывать уже можно? – спросила Таня и тут же поняла всю нелепость своего вопроса, ведь она и так уже была с открытыми глазами, раз могла видеть и воду канала, и дома на берегу. Лиза промолчала, не удостоив такой глупый вопрос ответом. Венецианские дома внезапно сменились китайскими пагодами с золотыми драконами на крышах. «Как красиво!» – восхищалась Таня. «Это не то, что нам нужно», – лишь сухо ворчала в ответ Лиза.

Через некоторое время лодка стукнулась о деревянные мостки причала. «Всё, приплыли, – кратко констатировала Лиза, – вылезай и помни, что я тебе говорила, – следуй только за мной и ни на что не отвлекайся». Таня молча кивнула. Она только что сообразила, что лодка, в которой они плыли, двигалась сама по себе – не было ни гребца, ни гондольера, ни вёсел, ни паруса, ни руля. Но она не успела никак это оценить, потому что события сменяли друг друга слишком быстро, как и бывает во сне.

Перед Таней был огромный деревянный ангар, разделенный на отдельные сектора. В общем-то, это напоминало старинные торговые ряды. В каждом отсеке были прилавки, а на них рассыпано множество предметов – драгоценности, посуда, просто всякая всячина. И толпы людей молчаливо прохаживались от прилавка к прилавку, перебирая все эти вещицы. «Что они здесь ищут так сосредоточенно? И почему они все молчат?» – недоумевала Таня. Но Лиза, не отвечая, очень быстро вела её через многочисленные залы, пока, наконец, в одном не остановилась. Таня перевела дух. Впрочем, нет, она не устала. Ведь, во сне можно бежать или идти долго – долго, и это не будет утомительно. Ведьма Лиза, между тем, огляделась по сто-

ронам и подвела Таню к одному из прилавков. «Вот, – победоносно ткнула она пальцем, – вот то, что тебе нужно. Ищи. Только не очень долго. Помни, что наше время здесь ограничено».

Таня взглянула на прилавок. На нём лежали плоские камешки размером с детскую ладошку. И на каждом были какие-то рисунки и надписи. Таня вдруг вспомнила, что такие же камешки видела в детстве, когда ездила с мамой отдыхать в Ялту. Местный художник изображал на них виды города и продавал как сувениры. Один такой камешек до сих пор хранится у Тани дома. На нём, почему-то, на фоне моря нарисован олень и написано красивым почерком «Ялта». Олень был нарисован довольно крупно, а вот сейчас Тане пришлось нагнуться к самому прилавку, чтобы рассмотреть рисунки. Там были портреты людей в полный рост – по одному и парами. Таня стала перебирать и разглядывать каждый камешек, но ни одно изображение её не притягивало. Вдруг её внимание привлёк парный портрет. Но... там были нарисованы не люди! Вернее, люди с крыльями. «Вот, это и есть ты и твой суженый!» – усмехнулась Лиза, о присутствии которой Таня на время забыла, поглощённая происходящим. Сколько этого времени прошло – мы не знаем, потому что во сне вообще времени нету. «Но... это же..ангелы!» – неуверенно произнесла Таня. «Не раздумывай так долго! Надпись! Читай скорее, что написано под рисунком!» – торопила её Лиза. «Ах, да! Я же за этим пришла! Узнать его имя». Под портретом, действительно, была подпись, которую Таня сразу не заметила. Одно очень длинное слово. Почему-то, шрифт был латинский. «NAROLF, – прочла Таня, – чепуха какая-то, абракадабра! Разве бывает такое имя?» «Ой, люди! Ну, какие же вы бестолковые! – заворчала в своей обычной манере Лиза, – во-первых, ты заклинаниями-то направо и налево не разбрасывайся без повода, а во-вторых, здесь всё нужно читать задом наперед. Неужели, непонятно?!» «Извините, я же не знала, – оправдывалась Таня, – FLORAN – прочла она в обратную сторону, – Флоран? Больше похоже на фамилию. Иностранную». «Смотри рядом», – ответила Лиза, голос которой опять стал растворяться и превращаться в эхо. Таня, однако, бросила взгляд на соседний камешек, как велела ей ведьма. Там был портрет того же ангела, что и раньше. Только без невесты. «MOR», – нет, – «ROM», – прочла Таня, – Ром – тоже какое-то странное имя – не Рома, а Ром, – ничего я понять не могу!» Вдруг она услышала знакомый голос, доносящийся из соседнего помещения. «Кирилл! – обрадовалась она, – Ты здесь какими судьбами?» Это был её знакомый с прежнего места работы. Раньше Таня работала художником в театре, а Кирилл служил там актером. «Так откуда ты здесь и зачем?» – переспросила Таня, когда навстречу ей из соседней комнаты вынырнул высокий плотного сложения брюнет. «Да так, были кое-какие дела, – ответил он уклончиво, – а сейчас, извини, я спешу, у меня вечером спектакль», – и умчался на всех парах, не дав Тане опомниться. Таня хотела было вернуться к прилавку с камнями, но он уже куда-то исчез. Вместо него возникло что-то вроде отдела в продуктовом магазине со стеклянной витриной, в которой были аккуратно разложены сыр, колбаса и пакеты с молоком и кефиром. К прилавку тянулась длинная молчаливая людская очередь. От этого гробового молчания у Тани побежали мурашки по всему телу. А самое ужасное – она поняла, что ведьмы Лизы с ней рядом нет! И как отсюда выбраться, она не знает!

Ей сразу вспомнилось предостережение волшебницы – чтобы ни на что и ни на кого не отвлекаться. «Что же это такое! Выходит, я так и останусь здесь навеки?» Таню охватила паника. Она, почему-то, вдруг отчетливо поняла, что находится в царстве мёртвых. Почему это пришло ей в голову, объяснить нельзя. Но, по её ощущению, вся обстановка говорила именно об этом – все эти молчаливо бродящие, как тени, фигуры людей, река, по которой она сюда приплыла, и холодный покой, разлитый в воздухе. Всё, всё указывало именно на это. «Неужели, мой суженый встретится мне не на земле, среди живых людей, а только после смерти, на Небесах. Поэтому мы были изображены в виде ангелов?» – пронеслось у неё в голове. От этого печального предположения она даже перестала бояться того, что не знает обратной дороги. «Но, в конце концов, выбраться отсюда нужно», – напомнил ей скромно и тактично голос

разума. «Попробую, всё-таки, обратиться к кому-нибудь с вопросом», – вняла ему Таня. Мимо неё в это время, как раз, проходила миловидная женщина средних лет. Она была не похожа на те безмолвные тени, что бродили повсюду. И вид у неё был довольно приветливый. «Простите, Вы не скажете, как отсюда выйти?» – обратилась к ней Таня. «А-а-а, Вы потерялись! – женщина сочувственно улыбнулась, – Ох уж эта Лиза! Ну, пойдемте, я Вас выведу к причалу». И она поманила Таню к внезапно взявшейся ниоткуда деревянной лестнице, ведущей наверх. «Значит, я под землей!» – успела подумать Таня, но... тут зазвонил телефон, и... она проснулась.

Было уже утро. Она ещё несколько минут приходила в себя после такого странного сна. Телефон продолжал настойчиво трезвонить, и она сняла трубку. Звонила подруга Светка. «Слушай, ты что – спишь? – заверещала она, – Вставай скорее, выручай меня! Нам на премьеру ангелов в массовку не хватает. Уже всю постановочную часть подключили, и, всё равно, мало! Я всех друзей обзвонила! У тебя же выходной сегодня?» «Ангелов?» – только и смогла произнести Таня. «Да просыпайся же ты! – продолжала трещать Светка, – Времени нет! Всё, жду тебя в театре в двенадцать часов на генеральной репетиции». И бросила трубку, не дождавшись ответа.

Светка работала костюмером. В оперном театре. Режиссер этого театра обожал грандиозные постановки с глобальными массовыми сценами, и всякий раз, когда ему случалось создать очередной шедевр, все работники театра, их родственники и друзья непременно бывали задействованы в постановке. Таня тоже уже успела побывать лесной нимфой, цыганкой и гостьей на балу, а вот теперь, кажется, режиссер добрался и до поднебесья. Поняв, что участие в новом действе неотвратимо, Таня собралась и поехала в театр. Она ещё не пришла в себя после ночного сновидения, но времени обдумать его не было. Только вспоминались ангелы с рисунка и надпись. «Ром Флоран, – повторяла Таня про себя, как строчку из песни, – Ром Флоран».

Она вбежала в театр без десяти двенадцать, Светка уже ждала её у служебного входа, схватила за руку и повела запутанными коридорами к сцене. По дороге они забежала в какую-то комнату, где Светка сунула Тане костюм. «Вот, держи, тут комбинезон и крылья!» Таня быстро переделалась, и они понеслись дальше стремглав по коридору. У сцены уже толпились люди в таких же белых комбинезонах с серебристыми крыльями. В общем, это было довольно впечатляющее зрелище. И странное. «Не более странное, чем мой сон. А, может, это его продолжение», – подумала Таня и улыбнулась своим мыслям. «Света! Ты ещё кого-то привела? Здравствуйте. Помогите мне, пожалуйста, надеть крылья», – с этими словами к Тане и Светке подошел худенький светловолосый юноша. Тот самый, из сна про полеты. Таня остолбенела. «А, кстати, – заверещала опять неугомонная Светка, обращаясь к Тане, – это мой бывший одноклассник, Рома. Рома Цветков. Вот, как раз, пусть он тебе всё тут покажет и разъяснит, а то мне ещё надо массу людей встретить и одеть. Всё, пока, целую!» И Светка растворилась в толпе.

«А Вас как зовут? – поинтересовался юноша, – Света не успела сказать». Он говорил так просто и приветливо, что у Тани сразу стало спокойно и легко на сердце, она сбросила своё оцепенение и ответила так же просто: «Таня». «Ну, пойдем?» – сказал он, неопределенно махнув рукой куда-то в сторону сцены. «Пойдем, (рада познакомиться, Ром Флоран», – добавила она уже про себя).

«И ведь будут своим детям рассказывать небылицы о том, что они встретились совершенно случайно. А я, как всегда, ни при чём», – ворчала в это время у себя на кухне ведьма Лиза, помешивая в кастрюльке суп из мухоморов с бледными поганками, который лучше неё не умеет готовить никто в мире.

Дублин

«Бр-р-р-р! И когда уже весна наступит? – зябко поеживаясь и кутаясь в шаль из паутины, произнесла ворчливо ведьма Лиза.

«Ещё и зимы не было. Осень на дворе!» – резонно заметил вальяжно восседавший на подоконнике кот Серый. Кот этот был говорящий, но основную часть мыслей высказывал телепатически, как и положено интеллигентному, уважающему себя коту. Вслух же он произносил лишь отдельные кошачьи слова. Вот и сейчас он лишь громко мяукнул басом. Кота этого прислали ведьме Лизе в помощь от Всемирного общества ведьм абсолютно бесплатно, потому что ей требовался помощник в делах и интересный собеседник на досуге. Скучновато ей было одной (ведь она жила совершенно одна, если не считать паука Тёму, который только и делал, что плёл свою паутину днём и ночью, а поговорить с ним было ну совершенно не о чем. «Надоело с самой собой разговаривать!» – возмутилась однажды Лиза. И ей тут же выслали в помощники чёрного кота по имени Серый. Дело в том, что кот этот и впрямь сначала был серого цвета, с белыми носочками, белым кончиком хвоста и белой полоской на носу. Всё это ужасно возмутило ведьму Лизу, ведь всякому известно, что любая уважающая себя ведьма должна иметь при себе именно чёрного кота и никакого другого. И даже сопроводительная записка, которую представил по прибытии Серый и в которой говорилось, что к сожалению всех чёрных котов на данный момент разобрали, а этот очень даже смыслённый и начитанный кот, Лизу не успокоила. Она попыталась сразу же напоить Серого специальными чернилами для окраски шерсти, но тот мяукнул: «Произвол!» и спрятался под диван. Пришлось перекрашивать его путем прочтения самых обыкновенных, банальных заклинаний (а Лиза так не любила банальностей!)

Из-под дивана Серый вылез уже абсолютно чёрным, за исключением белых носочков на лапках, кончика хвоста и полоски на носу. Они так и не прокрасились. Впрочем, такого цвета Серому полагалось быть только в служебное время. А во сне он опять мог быть каким угодно, хоть серо-буро-малиновым, если уж ему так этого бы захотелось.

Серый любил по утрам сидеть на подоконнике и глазеть в окно. Таким образом он познавал окружающий мир практически. Ибо теоретически он познавал его читая книги. В общем, это был совершенно домашний кот.

Вот и сейчас он сидел на подоконнике и как-то странно шевелил усами. «Что это ты там делаешь, умник?» – задала ему вопрос ведьма Лиза, которая в этот момент собиралась позавтракать салатом из свежей плесени. «Вы же сами хотели, чтобы я потихоньку осваивал приемы магии, – нервно мяукнул Серый, – вот я и тренируюсь. На дворнике Джамиле. Смотрите – сейчас он сгребает в большую кучу листья во дворе. Я в это время сижу и в ус не дую. Следите за ходом моей мысли?» «Ну, слежу», – недоверчиво пробубнила Лиза. «А теперь – оп! Я дую в свои усы – и листья разлетаются обратно как были! Правда, здорово? Настоящее волшебство!» «Эт-то не волшебство, это издевательство настоящее! – поперхнулась Лиза своим завтраком – А ну, брысь с подоконника! У нас сегодня ещё дел невпроворот!» «Обижаете! – надулся кот и неохотно сполз с подоконника, – можно было и не грубить так, а высказать конструктивную критику». «Ну ладно, ладно, хочешь – доешь остатки плесени? Свеженькой», – пошла на мировую Лиза.

«Так что мы сегодня будем делать?», – спросил через минуту Серый, потирая лапки.

«Я сегодня набрела на один занятный сон», – начала свой рассказ Лиза...

...Максиму снилось, что он в городе Дублине. Почему именно там – не спрашивайте, он и сам бы на этот вопрос ответить не смог. А главное – он там был в свадебном путешествии с девушкой своей мечты по имени Оля. На самом деле, в реальности, никакой невесты у Максима не было, просто он о ней давно мечтал. В Дублине Максим тоже ещё не был, хотя иногда путешествовал и успел посетить Париж, Прагу и Варшаву.

Во сне они с Олей вышли из гостиницы вместе на прогулку, но тут же потерялись. Максим решил, что она поехала в центр города и отправился там её искать. Тут же он очутился на трамвайной остановке, где услышал разговор двух туристов, что для поездки на трамвае нужно иметь билет желтого цвета, а на метро – красного. Поскольку у него не было ни того, ни другого, Максим пошёл пешком. Почти сразу (как это бывает во сне) впереди открылся прекрасный вид на центральную площадь города. Посередине площади возвышалась гигантская скульптура Соломона с вечным двигателем в руке. Максим был так потрясен увиденным, что захотел сфотографировать, но на снимках ничего не выходило, как он ни старался. Максим расстроился, но тут откуда ни возьмись появилась Оля, и он забыл обо всём на свете.

Оля щебетала что-то про какой-то магазин шоколада, в который нужно обязательно зайти, и они направились туда. В уютном магазинчике на прилавках лежали шоколадки с разноцветной начинкой. И шоколадки эти, как объяснила продавщица, были не простые – все разного свойства. Максим запомнил лишь, что с зелёной начинкой – это для развития интеллекта, а с жёлтой – для обострения чувств. Поскольку Максим работал программистом в крупной компании и считал себя и так жутко умным, он решил, что ему лучше попробовать ту шоколадку, которая для чувств.

«Молодец!» – не удержалась от комментария ведьма Лиза, но её никто не услышал.

Шоколадка мгновенно растаяла у Максима во рту, вкус был приятный и ни с чем не сравнимый. Краски сна как-то сразу стали ярче. «А ты заметил, что в этом городе полно близнецов?» – болтала весело Оля, выбирая шоколадки в подарок своим многочисленным друзьям. Максим кивнул, вспомнив, что, действительно, ему по дороге попадалось очень много двойняшек. Особенно он удивился, увидев в двойном экземпляре одного очень известного артиста. Максим и не думал, что у того есть брат-близнец.

«И ничего удивительного, – фыркнула ведьма Лиза, – грамотные люди в Ду-блин только со своим вторым „я“ и ездят, а как же иначе?»

Но её снова никто не услышал. Тем более, Максим, который был сейчас совсем на другой волне.

Максим любовался Олей. Она была такая маленькая, хрупкая, изящная блондинка. У неё были большие карие глаза, и с лица не сходило выражение удивления и детского восторга. Своей изящной ручкой она взяла Максима за руку и вывела из магазина. Они ещё долго гуляли по городу, весело болтая и смеясь, а потом им захотелось пить, и перед ними возник человек, предлагавший напитки. Он протянул Максиму стакан с полупрозрачной зеленоватой жидкостью, говоря, что это местный сидр. Максим с опаской пригубил напиток и... проснулся.

Проснувшись, он ещё некоторое время осознавал, где он находится, отделяя сон от реальности. А когда отделил, то расстроился, поняв, что всё самое прекрасное и интересное осталось во сне. А главное – там навсегда осталась Оля.

«Вот так вот, Серый, понятно теперь – чем будем сегодня заниматься?» – закончила историю Максима Лиза. «Пока не очень пони-мяу», – честно признался Серый.

«Максим этот живет недалеко отсюда, в соседнем доме, двор у наших домов общий, и мы с тобой сейчас сходим туда прогуляться. Там я тебе объясню, что делать. Да, и не забудь захватить пилу, она нам понадобится».

«Вообще-то, я и осень люблю», – заявила ведьма Лиза, собираясь на прогулку. Она обернулась ещё в два слоя паутины, потому что на дворе, всё-таки, было довольно прохладно, хотя день был солнечный. И они с Серым вышли из дома. Двор между домами был довольно уютным, в центре – клумба с георгинами, а вокруг – скамеечки. Ещё росло несколько деревьев – тополей и каштанов. Лиза примерилась к одному из каштанов, огляделась вокруг, чтобы никого не шокировать, и, приподнявшись над землей, зависла около одной из довольно толстых веток. Во дворе в этот момент почти никого не было, только одна мамаша выгуливала младенца в коляске, но она пыталась получше укрыть малыша и не обратила внима-

ния на странное поведение Лизы. Сидели на лавочке два пенсионера, но они были увлечены игрой в шашки. «Отлично, эта подойдет», – резюмировала Лиза. Ей пришлось спуститься вниз за пилой и повторить свой трюк с зависанием в воздухе, да ещё и одновременно подпиливать ветку. Но и тут, по счастливой случайности, никто ничего не заметил. «Ну, вот, полный порядок! – сообщила, спустившись, Лиза, – теперь полезай на дерево, Серый!» «Все это не подходит для ме-ня-у-у, – вяло сопротивлялся кот, – я совсем не гожусь для лазания по деревьям, я же абсолютно домашний, диванный кот». «Поддиванный, я бы сказала, – съязвила Лиза, – давай лезь скорее, вон уже Максим идёт из магазина. Всё дело испортишь. Ты же хочешь, чтобы Максим встретил девушку своей мечты и женился на ней?» «Н-ну, как всякий гуманист, я прини-мю чужую беду близко к сердцу...» «Тогда лезь!» Серый вздохнул обречённо и стал карабкаться по стволу каштана, а было это не так просто, ибо кот он был упитанный и, в силу философского склада ума, не слишком резвый. Всё же, он оказался довольно высоко на дереве и жалобно мяукнул как раз в тот момент, когда Максим пересёк двор с пакетами, наполненными продуктами, в руках и поравнялся с Лизой. «Молодой человек! – кинулась к нему Лиза, – помогите снять кота с дерева! Испугался соседской собаки и сиганул на самый верх, дурашка, а теперь слезть не может». «Мя-у-у!» – совершенно искренне подтвердил Серый, ибо залезть-то он залез, а вот как спуститься обратно, совершенно не представлял. «Может, я дерево раскачаю, стряхну кота, а Вы поймаете?» – предложил Максим, так как ему совсем не улыбалось взбираться на каштан перед всем честным народом. «Да не волнуйтесь Вы так, не смотрит никто! – ответила на его мысли Лиза, – а если и увидят, только гордиться будут Вами как своим соседом. Ну, помогите мне!» «Ладно, – махнул рукой Максим, – подержите пакеты, пожалуйста». И он полез на дерево. «Правее, правее держитесь, там ногу ставить удобнее, – направляла его Лиза напрямиком к подпиленной ветке. Ещё одно усилие, рывок, Максим встал-таки на роковую ветку, потянулся к Серому, ветка подломилась, и Максим спланировал прямо на землю. В глазах у него задвоилось, и он отключился.

«Мя-у-у-у! – напомнил о себе Серый, который, ко всему прочему, ещё и боялся высоты, – может, снимете ме-ня-у-у отсюда?» «Ах, да!» – Лиза опять зависла в воздухе и сняла несчастного страдальца с ветки. «Ну и зачем всё это было делать?» – недоумевал Серый, склонившись над Максимом. «Потом объясню, сейчас нету времени. Ты побудь с ним пока, Скорую вызови, первую помощь окажи, а я быстренько смотаюсь в его подсознание, наведу там порядок». «Мяу!» – только и смог выдавить из себя кот. Особенно он недоумевал по поводу Скорой – как он будет её вызывать, голубиной почтой, что ли? Но с начальством, как известно, не спорят, пришлось действовать по обстоятельствам. Сначала он просто помяукал немного, но это никакого действия не возымело, никто не обратил на него внимания. Тогда он с разгону запрыгнул на скамейку к пенсионерам, игравшим в шашки, и навёл там небольшой беспорядок. Те в праведном гневе погнались за котом, и он благополучно привел их к Максиму. Через пару минут Скорая была вызвана.

Максим в это время опять оказался в том сне, про Дублин. Только теперь он был там не один, а со своим двойником. Он немного удивился, но во сне чего только не бывает. Они с двойником молча шли по улице, вдруг навстречу им вышла прекрасная фея в золотистых одеждах (сами понимаете, это была Лиза, просто принарядилась немного и лицо сделала попроще, то есть – помоложе, времён своей юности). А плечи ей укрывала тончайшая паутина дней. «Вы мне, наверное, сейчас всё объясните?» – догадался Максим. «Ага, – кивнула Лиза, – во-первых, по прошлому твоему сну, – ну кто ж в Дублин-то в единичном экземпляре, блин, ездит? Сюда вдвоем со своим вторым я приезжают, а потом его обменивают на свою вторую половинку. Слово „дубль“ слышал, надеюсь? Понятно, блин?» «В общих чертах – да. А при чем тут блин?» «Блин – это ключевое волшебное слово. Возвращает к действительности периодически ускользающий от сознания смысл... Ничего себе – высказалась! Даже самой понравилось! Сейчас мы с помощью этого волшебного слова Олю твою сюда вызовем.

Ну как, готов?» «Готов», – отозвался Максим. «Оля! Где ты, блин!» – призвала громко Лиза. Моментально из слоёв близлежащего пространства нарисовалась сияющая радостная Оля, что вызвало у Лизы небольшое раздражение, поскольку она рассчитывала, что сиять тут будет одна. Это бы ещё ничего, но ситуация осложнилась ещё и тем, что сияющая улыбка Оли начисто лишила Максима дара речи, а ведь в его задачу входило убалтывать девушку, чтобы, как объяснила Лиза, незаметно заменить её здесь, во сне, на максимово второе «я» и увести с собой в реальный мир. Делать всё это надо было чрезвычайно аккуратно. Сами понимаете, во сне любая ситуация может в миг смениться абсолютно другой, а её персонажи – исчезнуть без объяснения причин. Впрочем, кто сказал, что в реальной жизни такого не бывает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.